

The Postnormal Times Reader

КНИГА
ДЛЯ ЧТЕНИЯ
В ПОСТПРИВЫЧНОЕ
ВРЕМЯ

Под редакцией
Зияуддина Сардара

МИР СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА

**КНИГА
ДЛЯ ЧТЕНИЯ
В ПОСТПРИВЫЧНОЕ
ВРЕМЯ**

Санкт-Петербург
Издательство «Петербургское Востоковедение»
2021

УДК 297
ББК Э38-2

*Книга издается под патронажем
Института Интеграции Знаний*

Х91 Книга для чтения в постпривычное время / пер. с англ. Е. В. Музыкиной; ред. Зияуддин Сардар; сост. Скотт Джордан. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 72 с. (Серия «Мир современного ислама»: «Books-in-Brief», I).

ISBN 978-5-85803-550-3

Постпривычное время лучше всего определить как «промежуточный период, когда старые ортодоксы отмирают, новые еще не родились, и кажется, что очень немного имеет смысл». Как выразился Эцио Мауро: «Мы находимся в подвешенном состоянии между “уже нет” и “еще нет”, и поэтому для нас неизбежна нестабильность: нет ничего фиксированного вокруг нас, даже направления нашего движения».

Теория постпривычного времени пытается осмыслить быстро меняющийся мир, где неопределенность является доминирующей темой, а невежество стало ценным товаром. «Хрестоматия постпривычного времени» — новаторская антология работ о противоречивой, комплексной и хаотичной природе нашей эпохи. Она включает происхождение, теорию и методологию постпривычного времени. В ней рассматривается множество вопросов с точки зрения постпривычного времени, начиная от изменения климата, моделей власти и проблем Ближнего Востока до взаимоотношений науки и религии. Освещая некоторые ключевые локальные и глобальные проблемы нашего переходного периода, хрестоматия предлагает способ навигации по различным вариантам нашего бурного будущего.

*Взгляды и мнения, выраженные в данной книге, принадлежат авторам
и могут не совпадать с мнением издателя.*

ISBN 978-5-85803-550-3

9 785858 1035503

© Международный институт исламской мысли;
Центр постпривычной политики и исследования
перспектив будущего, 2020
© Институт Интеграции Знаний, издание
на русском языке, 2021

ПРО СЕРИЮ

Серия «Мир современного ислама» знакомит российского читателя с серией «Books-in-Brief», которая является собранием главных изданий Международного института исламской мысли, представленных в кратком изложении. Облегченный формат позволяет сэкономить время, однако дает читателю реальную возможность составить впечатление о полной версии каждой книги и помогает проникнуть в суть оригинала.

Серия состоит из своего рода синопсисов-обзоров полных изданий, которые, как мы надеемся, будут побуждать читателей к дальнейшему, более глубокому изучению оригиналов.

Серия состоит из 27 книг, разделенных на три собрания. Первое собрание включает следующие 9 книг:

▼ Книга для чтения в постпривычное время

Али Сулейман Али

Краткое вступление к толкованию Корана

Современные подходы к Корану и Сунне

Саид Шаббар

Иджтихад и обновление

Энн Эл-Мослимани

Обучение детей: моральный, духовный и целостный подход к развитию образования

Хаггаг Али

Картография светского разума:
эпоха модерна в поисках атеистической утопии

Басма И. Абдельгафар

Государственная политика вне доктрин традиционной юриспруденции: подход, основанный на целях (*макасид*)

Зияуддин Сардар, Джереми Хенцель-Томас

Осмысление реформы высшего образования:
от исламизации к интеграции знаний

Таха Джабир ал-Алвани

Восстановление баланса: авторитет Корана и статус Сунны

Мы живем в период прогрессирующих изменений. Новые тренды и технологии сменяют друг друга непривычно быстро, один за другим возникают кризисы, трансформирующие традиционные социальные и политические пейзажи. Привычная система ценностей и идеалов может обрушиться в одночасье: то и дело появляются новые понятия, во все возрастающем количестве происходят необычные события, меняются политические и культурные доминанты. Мир пребывает в плену непрерывных перемен... Кажется, никому и ничему нельзя больше доверять.

«Хрестоматия по постпривычному времени» помогает читателю сориентироваться в быстро изменяющемся мире, помогает осознать происходящие перемены и приспособиться к ним *.

* Термин «postnormal» (букв.: «постнормальный») был введен в научный оборот Зияудином Сардаром, выступившим редактором, составителем и одним из авторов настоящей книги. Название книги «The Postnormal Times Reader» в буквальном переводе звучит как «Книга для чтения в постнормальное время», однако такой перевод не вполне соответствует стилистике русского языка, поэтому мы остановились на названии «Книга для чтения в постпривычное время». — *Примеч. издателя.*

ЧТО ЖЕ ТОЛЬКО ЧТО ПРОИЗОШЛО?

Введение

Зияуддин Сардар

Вы там, сзади, слушаете? Ли Гейтс в фильме «Финансовый монстр» говорит: «Ты и представления не имеешь, где твои деньги. Знаешь, когда-то было время, когда ты мог прийти в свой банк, открыть свое хранилище и указать на слиток золота. Но это время прошло. Твои деньги, то, за что ты дерешь свою задницу, это всего лишь несколько фотонов энергии, проходящих через огромную сеть волоконно-оптических проводов. Зачем это надо? Мы сделали это, чтобы ускорить их, потому что ваши деньги должны быть быстрыми. Быстрее, чем у других. Но порой, если вам нужны более быстрые рынки с более быстрой торговлей, более быстрой прибылью, более быстрым всем, у вас могут лопнуть покрышки».

Весьма здравое и своевременное наблюдение. Однако проблема не в проколотой шине, весь автомобиль и сама дорога находятся в аварийном состоянии. Разрывы происходят повсюду, и кажется, что происходят они одновременно со страшной регулярностью. В 2016 году мы стали свидетелями череды беспрецедентных событий. Продолжающиеся конфликты в Сирии, Ливии и Ираке привели к рекордному по масштабам кризису беженцев. Во Франции, Германии и США происходили массовые перестрелки. Левый популизм привел к тому, что Джереми Корбин стал лидером лейбористской партии в Великобритании, а Берни Сандерс возглавил волну политического возмущения в США. Правый популизм во Франции, Австрии, Голландии, Польше, Венгрии может привести крайне правые силы к власти в Европе. Вирус Зика. Отказ от прорывного мирного соглашения в Колумбии*. Обострение напряженности между Китаем и Японией в Южно-Китайском море. Президент Родриго Дутерте, защищающий расстрелы бедняков как необходимость в своей амбициозной войне с наркотиками на Филиппинах. Брексит. Раскол в Евросоюзе. И, конечно же, Дональд Трамп. Что-то не то происходит с этим миром.

А что же с ним происходит?

Многие ученые, мыслители, писатели и комментаторы пытаются выяснить это уже более десяти лет. По сути, все они говорят о том, что мы потеряли или теряем нашу веру и доверие в то, что до сих пор считалось нормой, привычным и общепринятым.

* 26 сентября 2016 года колумбийские власти и повстанцы из организации FARC подписали мирное соглашение. Документ должен был положить конец полувековому конфликту, унесшему жизни более 260 000 человек. Но на общенациональном референдуме он был отвергнут. https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/03_a_10228751.shtml

Таким образом, привычная норма, независимо от того, как ее определять, исчезает. Мы движемся к тому, что я назвал «постпривычным временем». Данная хрестоматия описывает развитие теории постпривычного времени и ее истоки в постпривычной науке, объединяя некоторые ключевые статьи и работы. Моя цель — представить обзор теории постпривычного времени и показать, как через ее призму можно понимать текущие события.

«Хрестоматия по постпривычному времени» воплощает в себе и рассказывает о ценностях полилога, который является важнейшим инструментом для поиска нами выхода из заторов, постоянно возникающих на пути в будущее. Дискурс постпривычного времени все еще находится на стадии разработки. Следовательно, сама «Хрестоматия» будет меняться и развиваться с течением времени, по мере выхода новых изданий. Но это всегда будет текст, основанный на разнообразии и множественности, а также сборник, который с удовольствием включит в себя вашу статью.

ИСТОКИ И ТЕОРИЯ

Наука постпривычной эпохи

Сильвио О. Фунтович и Джером Р. Равец

После столетий триумфа и оптимизма наука сегодня вынуждена исправлять патологии мировой промышленной системы, основу которой она составляет. Преодолена древняя дихотомия фактов и ценностей, а также знаний и невежества. Наука, соответствующая этим новым условиям, будет основана на предположениях о непредсказуемости, неполном контроле и множестве вполне вероятных перспектив. Самой подходящей наукой для этой эпохи является «постпривычная».

В постпривычной науке неопределенность не изгоняют, ею управляют, а ценности не предполагаются, а формулируются эксплицитно. Моделью научного аргумента является не формализованный вывод, а интерактивный диалог.

Для этого нового вида науки при оценке научного вклада в принятие решений требуется «расширенное сообщество коллег» [1]. Такое расширение легитимности для новых участников политических диалогов при наличии взаимоуважения различных точек зрения и форм познания повышает вероятность развития подлинного и эффективного демократического элемента в научной жизни.

Природа вмешивается в научную лабораторию

Сама природа больше не должна рассматриваться как дикая и угрожающая нашему существованию. Наше технологическое развитие и медицина сделали природу предсказуемой и отчасти управляемой. Обратной стороной данного достижения является то, что теперь вполне вероятно потерять баланс. Триумф научного метода привел к его господству над всеми другими способами познания. Здравый смысл и наследственные навыки делания и жизни утратили авторитет. Рациональный подход в принятии обществом решений должен выглядеть по-научному. Сегодня научная экспертиза привела нас к политическим дилеммам, которые она сама не в состоянии разрешить.

Центральная роль неопределенности и качества

Неопределенность и качество оставили свои позиции на периферии научной методологии, чтобы стать центральными, интегрирующими понятиями. Новые политические проблемы имеют общие черты, которые отличают их от традиционно научных. Они универсальны по своим масштабам и долговременны по своему воздействию. Данные об их эффективности абсолютно неадекватны. Сами новые, комплексные

и изменяющиеся явления трудны для понимания. Политика не может основываться на фактических прогнозах.

Необходимо разработать новые методы, чтобы наше невежество стало пригодным для использования [2]. Для этого необходимо радикальным образом отказаться от технических приемов, за исключением обсуждений по методологическим, социальным или этическим вопросам.

Стратегия решения проблем

Неопределенность и ставки при принятии решений являются противоположностями атрибутов, которые традиционно характеризуют науку, а именно ее определенность и ценностный нейтралитет. Термин «системные неопределенности» передает принцип, согласно которому проблема кроется в понимании и управлении реальностью, которая по своей сути является комплексной. Под «ставками при принятии решений» мы понимаем всевозможные затраты, выгоды и ценностные обязательства, которые связаны с определенной проблемой и возникают у различных заинтересованных сторон в связи с ней. Помня об этом, можно обозначить три вида стратегий при решении проблем.

Прикладная наука

Описывая стратегии решения проблем, начнем с самой знакомой: с прикладной науки. Она применяется в том случае, когда уровень неопределенности системы и ставки при принятии решений являются низкими. Ставки будут простыми и невысокими.

Проблема может быть решена с помощью обычного подхода, которым решаются головоломки. Там, где уровень неопределенности и внешние ставки принятия решений низкие, традиционные процессы экспертной оценки проектов и рецензирования работ прекрасно срабатывают, даже несмотря на их известные недостатки.

Профессиональное консультирование

Профессиональное консультирование включает в себя прикладную науку, но занимается проблемами, которые требуют иной методологии для их полного разрешения. Требуется выразить личное суждение, которое основано на навыках более высокого уровня, а неопределенность, теперь более сложная, выходит на методологический уровень. Ставки при принятии решений также повышаются, становясь более комплексными, поскольку цели, относящиеся к определенной задаче, будут носить конфликтный характер и привлекать различные заинтересованные стороны, а также естественные системы.

Профессиональные задачи связаны с уникальными ситуациями. Соответственно, важным становится личностный компонент. Общественность может прийти в замешательство или испытать разочарование, увидев, что ученые сильно расходятся во мнениях относительно проблемы, по-видимому, связанной исключительно с прикладной наукой. Внесение большей ясности должно с лихвой компенсировать утрату мистического налета научной непогрешимости.

Постпривычная наука

Теперь рассмотрим третью разновидность стратегии решения проблем, когда неопределенность системы и ставки при принятии решений высоки. Назовем ее «постпривычной», указав тем самым, что действия по разрешению загадок привычной науки не подходят для решения политических вопросов, связанных с рисками и окружающей средой.

Постпривычная наука обладает парадоксальной особенностью, связанной с тем, что в ее деятельности по решению проблем традиционное доминирование «неопровержимых фактов» над «мягкими ценностями» перевернуто. Это должно привести к появлению ряда прогнозов, которые обеспечат научный вклад в процесс принятия решений. Однако все элементы причинности находятся в крайней степени неопределенности, а ожидание, пока все факты будут собраны, может стать еще одной формой безрассудства.

Неопределенность выходит за системные рамки и включает вопросы этики. Новые вопросы политики связаны с благосостоянием новых заинтересованных сторон, таких как будущие поколения, другие живые виды и планетарная среда в целом. Только диалог между всеми участниками процесса может привести к творческому решению существующих проблем.

Расширенные сообщества равных

В условиях постпривычной науки многочисленные неопределенности продуктов и процессов требуют повышения относительной значимости людей. Те, чья жизнь и средства к существованию зависят от решения текущих проблем, получают глубокое понимание того, как общие принципы реализуются у них на «задворках». Им также будут представлены «расширенные факты», включая подробности частной жизни, неофициальные опросы и официальную информацию, опубликованную неофициальными источниками.

Заключение

Новые политические проблемы рисков и окружающей среды являются глобальными не только по своим масштабам, но и по своей комплексности, распространенности и новизне в качестве предмета научного исследования. Научная деятельность в настоящее время охватывает управление неубывающей неопределенностью в сфере знаний и этики, а также включает признание существования различных перспектив и способов познания, являющихся законными. Постпривычным ответом будет признание указанных проблем и проведение последующей реинтеграции посредством принятия неопределенности и приветствия многообразия.

Литература

1. Funtowicz, S. O., Ravetz, J. R. (1991) Three types of risk assessment and the emergence of postnormal science. In: D. Colding and S. Krimsky (eds.) *Theories of Risk*. New York: Greenwood Press.
2. Ravetz, J. R. (1990) Usable knowledge, usable ignorance: incomplete science with policy implications. In: J. R. Ravetz. *The Merger of Knowledge with Power*. London: Cassell.

Добро пожаловать в постпривычное время

Зияуддин Сардар

«Беда не приходит одна» — говорит пословица. И в последнее время их приходит все больше и больше. Если многочисленных угроз, вызванных изменением климата, было недостаточно, чтобы обеспечить нам бессонные ночи, то вот вам сверху еще и одна из самых страшных рецессий в истории, которую мы сейчас переживаем. Прежде чем мы успели отдышаться, возникла пандемия свиного гриппа, угрожающая поглотить земной шар. За всем этим маячит энергетический кризис, истощение природных ресурсов, сохраняющаяся угроза распространения ядерного оружия и непрекращающаяся угроза терроризма. Мы ненавидим банкиров, не доверяем нашим политикам, постоянно беспокоимся о сохранении наших рабочих мест, о безопасности наших детей и о бедственном положении наших сообществ. Нет ничего определенного, абсолютно гарантированного и совершенно безопасного.

Добро пожаловать в постпривычное время! *Espiritu del tiempo* (дух времени) характеризуется неопределенностью, быстрыми изменениями, перераспределением власти, переворотами и хаотичным поведением. Мы живем в промежуточный период, когда старые ортодоксии умирают, новые еще не родились, и кажется, что мало что имеет смысл. Это время, когда любой выбор представляется рискованным, ведущим к краху, если не в совершенную бездну.

Многое из того, что мы воспринимали как привычное, обыденное или общепринятое, просто больше не работает. Сам мир теперь стал куда более неопределенным. Вряд ли найдется страна, где политикам доверяют или их уважают. Из-за глобального потепления нельзя доверять даже смене времен года. Это эпоха множественных и происходящих одновременно кризисов. Дело не просто в том, что дела идут плохо; они идут неимоверно плохо, в глобальном масштабе, причем всевозможными способами, происходящими одновременно. Таким образом, мы попадаем в ситуацию, которая далека от привычной, входя в домен постпривычности.

Все эти несоответствия связаны тремя аспектами: комплексностью, хаосом и противоречиями, силами, которые формируют и продвигают постпривычное время.

Комплексность

Почти все, с чем мы имеем дело сегодня, обладает комплексным характером. Комплексность является естественным побочным продуктом того факта, что большинство наших проблем имеет мировой масштаб.

Глобализация увеличивает комплексность не только за счет того, что мы взаимозависимы, но и за счет расширения наших взаимосвязей.

Ничто не существует и не происходит в изоляции. Если этого недостаточно, то есть еще один тренд, который все усложняет еще больше: все меняется очень быстро, причем изменения происходят одновременно. Нам сложно понять нарождающуюся комплексность и почти невозможно справиться с ней.

Комплексность преподносит нам важный урок: понятия контроля и определенности устаревают. Сегодня мы больше не можем позволить себе роскошь размышлять, наблюдать и откликаться на нежелательные результаты, создавая некоторую видимость порядка при обсуждении и управлении.

Хаос

Комплексность является предшественником и необходимым условием хаоса. Хаотичное поведение не является редкостью. Но довольно необычно наблюдать, как цивилизации, целые общества или даже все население земного шара ведет себя в соответствии с условиями теории хаоса. Поскольку все связано и объединено в единую сеть со всем, сбой в любом месте создает эффект домино, нарушая работу других частей сети, и даже разрушает ее полностью. Более того, потенциал для положительной реакции огромен. Благодаря мобильным телефонам, электронной почте, блогам, твитам и круглосуточным новостям мы постоянно в курсе событий.

Таким образом, мы готовы мгновенно реагировать, будучи оснащены необходимыми средствами для запуска новых моделей цепных реакций.

Как и комплексность, хаос тоже может преподать нам фундаментальный урок: индивидуальная и социальная ответственность и подотчетность имеют первостепенное значение для нашего коллективного выживания. Индивидуализм ведет к катастрофе.

Противоречия

Комплексный, объединенный во множественные сети мир с бесконечным числом конкурирующих интересов и идеологий, с замыслами и желаниями, ведущими себя хаотично, не может сделать ничего иного, как только извергнуть противоречия. В постпривычное время есть два противоречия, которые требуют нашего особого внимания.

Первое касается перемен. Все всегда менялось, но изменения никогда раньше не происходили в таком ускоренном темпе, который мы наблюдаем сегодня. Экспоненциальное ускорение теперь стало нормой. Вместе с тем обширные сегменты планеты и фрагменты нашей социальной жизни являются квазистатичными. Чем больше вещи меняются, тем больше кажется, что они остаются прежними.

Второе противоречие касается знания. В то время как наши знания растут, причем как на дрожжах и почти во всех сферах, кажется, что мы становимся более невежественными, чем когда-либо.

Невежество не исчезает под воздействием привычных исследований, поэтому мы не имеем представления о его существовании. Итак, мы

сталкиваемся с тройным ударом невежества или, если хотите, невежеством в кубе: неведение нашего невежества, сопутствующее невежество в отношении потенциальных рисков последних разработок, а также невежество, порожденное информационной перегрузкой. Невежество требует принципиально новых способов мышления.

Неопределенность

Когда противоречия, комплексность и хаос соединяются с усиливающимися изменениями, единственным определенным результатом является неопределенность. Неопределенность, скорее всего, то единственное, в чем мы можем быть уверены, но пока она не является удобной, а также политически или социально приемлемой основой при принятии действительно трудных решений.

Сочетание невежества и неопределенности, а также склонность к хаотичному поведению, противоречивый анализ и комплексность вопросов безопасности и рисков, — все это означает, что наши нынешние варианты «жизни по старинке» опасно устарели.

Добродетели

Необходимо договориться о том, какой путь мы выберем для движения к новым привычным временам. Проблема, однако, заключается в том, что для участия в когерентных дебатах стало меньше пространства, времени и желания; все становится более сложным, противоречивым и хаотичным. Чтобы договориться о выходе из постпривычного существования, нам необходимо научиться переводить и преобразовывать стремления в изменения.

Мораль, которую следует извлечь из характеристик постпривычного времени, стара как мир и указывает на извечные добродетели: смирение, скромность и ответственность.

Смирение, скромность и ответственность являются обязательными добродетелями, необходимыми условиями жизни в условиях неопределенности и сложности. Неспособность признать неопределенность и сложность конкретной ситуации является не только технической, но и этической ошибкой [1]. Действительно, именно этика и только этика может вывести нас из постпривычного тупика.

Любое социальное, культурное, политическое, философское и религиозное мировоззрение, известное человечеству, должно заново научиться взаимодействовать со своими собственными этическими принципами. Те этические дебаты и ответственность, которые нам необходимо инициировать, должны начаться с принятия аксиомы постпривычного времени о том, что нет никакой монополии на правду. Когда нет правильных и неправильных ответов, любой человек и любая точка зрения могут внести свой посильный вклад, и каждый может внести свой посильный вклад в принятие потенциального решения. К этому мы должны добавить этическую ясность и настрой ума, который признает, что мы все одержимы невежеством и никто не является носителем всех правильных

ответов. В постпривычных условиях гибкость, адаптация и чувствительность к заметно отличающимся первоначальным условиям требуют развития остроты этического восприятия для увеличения разнообразия вариантов ответов.

Воображение

Наиболее важными характеристиками в борьбе с постпривычным временем являются воображение и креативность.

Почему?

Потому что у нас нет другого способа справиться с комплексностью, противоречиями и хаосом. Воображение является основным инструментом, который ведет нас от простого аргументированного анализа к более сложному синтезу. Нам для начала необходимо представить пути выхода из постпривычного времени.

В значительной степени наш нынешний тупик представляет собой результат провала работы воображения. Конечно, мы будем учиться на своих ошибках, и будущее станет лучше, более процветающим. Но это опасная иллюзия. Следует представить иные пути.

Нам необходимо этическое воображение, которое в состоянии признавать неопределенность и риски, с которыми мы сталкиваемся. Мы должны использовать в своей работе сложность и разнообразие, бережно относясь к тем добродетелям, в которых мы больше всего нуждаемся. Самая прекрасная надежда состоит в том, что мы возьмем на себя ответственность за решения, которые должны будем принять, что гарантирует нам достижение нашего воображаемого будущего, приведя к нему все человечество и планету в целостности и сохранности.

Литература

1. Cilliers, P. (2005) Complexity, deconstruction and relativism. *Theory, Culture & Society*, 22 (5), pp. 255–267.

Еще раз о постпривычном времени

Зияуддин Сардар

В статье «Добро пожаловать в постпривычное время» я постарался синтезировать идеи, извлеченные из ткани форсайта и исследований перспектив будущего. Постпривычный анализ отныне распространяется не только на науку, но и на исследования перспектив будущего, политический анализ, экономическую информацию, архитектуру и культурное наследие.

В данной работе я бы хотел с критических позиций разобрать некоторые возражения, высказанные по поводу предыдущей статьи, попытаться ответить на некоторые из поднятых вопросов, обозначить

отдельные характеристики постпривычного состояния, вычленив скрывающееся за горизонтом постпривычного и исследовать, что значит «быть постпривычным».

ППВ и его содержание

Очевидный вопрос: как мы можем находиться в постпривычном состоянии, когда нет такого понятия, как привычная норма? Кто определяет, что есть привычное?

В постпривычном анализе мы считаем привычной нормой то, с чем чаще всего сталкиваемся. Это то, что воспринимается как доминирующий способ существования, делания и знания, повсеместно рассматриваемый как стандарт, продиктованный условностями и традициями, поддерживаемый дисциплинарными структурами и наукой, и то, что мы способны предсказать и контролировать. В теории постпривычного времени (ППВ) привычная норма не работает.

Те, кто занимается теорией ППВ, выбрали постпривычное время по пяти основным причинам. Во-первых, для него не свойственны апокалиптические настроения. Во-вторых, оно подчеркивает важность действия. В-третьих, оно привлекает и фокусирует наше внимание на сложности, противоречиях и неопределенности, которые необходимы для реального понимания того, как меняется мир. В-четвертых, ППВ имеет прочную теоретическую базу. В-пятых, теоретическая работа позволяет нам разрабатывать политику для множества сфер и проблем, чтобы фактически направить постпривычное время в сторону положительных перспектив будущего.

Ракеш Капур [1] утверждает, что ППВ является западной теорией и концепцией. Данное утверждение далеко от истины. Во-первых, границы Востока и Запада не только изменились, но стали размытыми и неразличимыми. ППВ не является ни западной, ни восточной концепцией. Это просто теоретическая база, описывающая и объясняющая нашу эпоху.

А как насчет аргумента, что мы сталкивались с подобными препятствиями и «странными временами» в прошлом? Как утверждает Сэм Коул [2], учитывая наши «достаточные скрытые резервы знаний» и продвинутое эволюционное состояние, мы можем решить все наши проблемы и, следовательно, должны продолжать двигаться в том же направлении. Это, как отмечает Меррил Вин Дэвис, «оптимизм монументального характера, основанный на предположении, что, поскольку нам удавалось решать наши проблемы в прошлом, мы будем продолжать делать это всегда» [3]. Традиционные дисциплины являются частью проблемы, поскольку именно они довели нас до нынешнего проблемного состояния, и многое из того, что породила современность, погружено в невежество. Мы никогда не сталкивались с таким количеством проблем одновременно. Мы никогда не испытывали таких ускоренных темпов изменений и не имели таких глобальных взаимосвязей и сложности. И мы никогда не были настолько погружены в невежество относительно вещей, имеющих

такие далеко идущие последствия, что они выходят за рамки нашего собственного контекста.

Но система, которая не объединена в сеть или полна внутренних противоречий, не может демонстрировать хаотическое поведение и превращаться в постпривычную, не так ли? Ответ на данный вопрос заключается в ответе на другой вопрос, поднятый Мэррил Вин Дэвис: «А мы уже прибыли в пункт назначения?» И да, и нет. Постпривычность не является однородным явлением: она не наступает одновременно во всех уголках планеты. Так что не весь мир превратился в постпривычный, но любая часть земного шара может стать таковой.

Постпривычное состояние

Постпривычное состояние представляет собой особый способ существования, в котором мы находимся. Мы сталкиваемся с проблемами, которые сильно различаются по своим масштабам, они взаимосвязаны и встроены в нарастающие темпы перемен. Масштаб, сетевая организованность и ускорение порождают комплексность, хаос и противоречия (КХП) ППВ, которые ведут нас к неопределенности и невежеству.

Недавние политические события продемонстрировали, что мы больше не имеем дело с изолированными последовательностями событий, локальными по своей природе, определяемыми во времени, затрагивающими горстку людей или небольшое сообщество и нарушающими незначительное количество процессов. Наоборот, в условиях постпривычности события и ситуации быстро развиваются, становясь хаотичными и окутывая весь мир.

Расширенное настоящее постпривычного времени

В ближайшее время постпривычность будет увеличиваться. В теории постпривычного времени мы называем это «расширенным настоящим», то есть это ближайшее будущее, которое будет формироваться под влиянием устоявшихся трендов и событий, которые можно выделить сегодня. Тренд — не приговор. Но если эти тренды сохранятся, мы обязательно окажемся в мире, становящемся все более постпривычным.

Стоит отметить, что в разных ситуациях КХП работают по-разному. В некоторых случаях самой значительной составляющей может быть комплексность, в других это может быть хаос или противоречие. Но, в общем, по мере того как КХП набирают обороты и растут, происходит их объединение, что ведет к возникновению постпривычной ситуации.

«Будь постпривычным»

Так как же нам сладить с постпривычным временем? Как можно двигаться вперед, не становясь жертвой хаоса? Как нам выжить в условиях растущей неопределенности и различных разновидностей невежества, с которыми мы сталкиваемся? Ответы на эти и многие другие вопросы, возникшие в постпривычное время, начинаются с их осознания и ведут к творческому подходу и применению воображения.

Нам необходимо знать, что мы не можем управлять постпривычным временем и контролировать его, но мы можем ориентироваться в нем. Нам необходимо учитывать тот факт, что те многочисленные проблемы, которые одновременно обрушиваются на нас, нельзя решать в изоляции друг от друга: рассматривая одну проблему, вы также должны увидеть и все другие проблемы, с которыми она взаимосвязана. Таким образом, плюрализм, разнообразие и множественность перспектив необходимы для понимания и управления постпривычными условиями.

Знать об этой действительности, значит «быть постпривычным».

Почти все изменения, которые происходят в постпривычное время, имеют глубокие этические коннотации. Этика касается не только бытия в мире, но и бытия *вместе* с миром. Она касается вопроса о том, как мы связаны с остальным миром. Исследование перспектив будущего не может просто ограничиваться тем, что может произойти в будущем. Оно должно в значительной степени касаться того, что должно быть сделано для сохранения здорового, этического будущего.

Возможно, самым фундаментальным сдвигом, который будет обозначен постпривычным временем, станет открытие силы определения. Настоящая власть Запада основывалась на его способности давать дефиниции ключевым концепциям человечества и человеческого общества. Но постпривычное время утверждает, что «срок годности» этих определений истек. Поэтому в дело вступают творческий подход и воображение.

Творческий подход и воображение необходимо использовать, чтобы дать новые определения всему, начиная от искусства и до архитектуры, от политики до стратегии, от науки до духовности, а также чтобы определить, что значит быть человеком в постпривычное время. Нам всем пора последовать примеру канадской музыкальной экспериментальной группы «Post Normal», перевернув вслед за ними страницу прошлого. В своей песне «Арктическая кровь и лед» они поют, что с нашими временами происходит что-то ужасно невообразимое, но у нас непременно получится добиться лучших результатов.

Литература

1. Kapoor, R. (2011) Is there a postnormal time? From the illusion of normality to the design for a new normality. *Futures*, 43, pp. 216–220.
2. Cole, S. (2011) Alliterative Logic: A Theory of Postnormal Times. *Future*, 43 (2), March, pp. 209–215.
3. Davies, M. W. (2011) Postnormal Times: Are We There Yet? *Futures*, 43 (2), March, pp. 136–141. URL: <http://alexander-cyberwar/all/>

МЕТОДЫ И ВОПРОСЫ

«Три завтра» постпривычного времени

Зияуддин Сардар и Джон А. Суини

Введение

В свете далеко идущих, быстрых и синхронных изменений возникает новый важный вопрос для футурологов, исследователей форсайта и практиков: могут ли существующие методы справиться со сложными, хаотичными, противоречивыми, неопределенными и быстро разрушающимися перспективами будущего? Традиционно дисциплина «Исследования перспектив будущего» рассматривает множество альтернативных вариантов будущего, проводя различие между достоверным, вероятным, возможным и предпочтительным будущим [1]. Но что может быть вероятным в мире, где неопределенность и хаос являются нормой? А что достоверно в будущем, в котором доминируют противоречия? Подходят ли наши традиционные методы, такие как прогнозирование, сценарное планирование и моделирование, для целей постпривычного времени? Учитывают ли сценарии будущего изменения перемен? Позволяют ли существующие методы моделирования сценариев адекватно учитывать необходимые для противостояния влиянию постпривычного времени (ППВ) плюрализм и полилог, в том числе среди людей, не-людей и не-человекоподобных? Как мы разрабатываем жизнеспособные правила для ориентации в постпривычное время?

Существующие на сегодняшний день методы исследований перспектив будущего являются приемлемыми, но имеют существенные ограничения, особенно в отношении того, что касается ППВ. Мы считаем, что настоящие методы исследований перспектив будущего не успевают за теми факторами и движущими силами, которые действительно нарушают плавное течение настоящего и подталкивают нас к *немысленному* будущему.

Что нужно? Полилог различного количества участников и мнений [2]. Полилог обозначает «множественные логики, выступления и бытийность» [3]. Как мы видим, полилог требует создания новых физических и ментальных пространств, в которых разнообразие, плюрализм и соперничающие перспективы существуют на их собственных условиях, но при этом они глубоко заинтересованы в привлечении других к творчеству, обмену и приобретению знаний. В дополнение к поиску лучших и более эгалитарных способов делиться тем, что мы знаем или как мы это знание получаем, необходимо постоянно искать основанные на партнерстве динамичные средства для детализации наших историй и обмена ими. Любой анализ настоящего и перспектив будущего также

должен признавать, что многое из того, что сегодня мы считаем само собой разумеющимся, впоследствии станет странным.

Привычная норма, постпривычность, постпривычное сползание и взрыв

Первый странный факт, который мы должны признать, заключается в том, что привычная норма и постпривычность перекрываются и сосуществуют друг с другом. Многие «привычные» системы перестанут рано или поздно продолжать работать «как обычно» в постпривычное время, а комплексность — хаос — противоречия (КХП) окажут на них прямое или косвенное влияние. Само понятие привычной нормы выглядит несколько странно, особенно для ППВ. Однозначно, это — «сфабрикованная привычная норма» [4]. Ее сфабрикованность заключается в том, что подобные нормы были разработаны мощными международными институтами и организациями, которые функционируют, опираясь на рыночные силы, внутренние, неоспоримые предположения и тонкие манипуляции для создания идеологических и потребительских желаний и мечтаний.

Сфера сфабрикованной привычной нормы (ССПН) служит инструментом переориентации нашего восприятия того, что является и не является привычным. Как сфера, которая расширяется и сжимается относительно нашей индивидуальной или общественной направленности, СПН формируется силами невежества и неопределенности.

«Привычные» явления движутся к постпривычности через процесс постпривычного сползания (ППС). Хотя силы, управляющие ППС, могут быть достаточно мощными, не все поддаются влиянию этих сильных течений. Есть те, кто не может увидеть или, скорее, игнорирует и опровергает появление ППС. Они страдают постпривычным отставанием (ППО), то есть перцептивным состоянием отрицания. Таким образом, ППО является состоянием непризнания, которое можно преодолеть только с помощью постпривычного взрыва (ППВ). Это когда полностью вся система становится постпривычной и нет места, в котором от этого можно укрыться.

Три завтра основ постпривычного времени

Учитывая странные особенности нашей эпохи, изучение перспектив будущего в рамках ППВ ставит перед нами конкретные задачи. Нам необходимо сосредоточиться на синхронности и сложности, а также на динамической природе ППВ. Нам необходимо уважать и неопределенность, и различные уровни невежества, а также использовать как можно больше воображения и творчества во всей нашей деятельности.

«Три завтра постпривычного времени» (ЗЗ) является той структурой, которую мы разработали для понимания и ориентации в ППВ, а также для изучения будущего.

Расширенное настоящее — первое завтра. Именно его имеет в виду большинство людей, говоря о «подразумеваемом будущем». В расширенном настоящем преобладают тренды и назревающие проблемы или «слабые сигналы», которые невозможно остановить. Они просто рас-

ширяют и продлевают настоящее. Лучшее, что мы можем сделать в данной ситуации, — посмотреть сквозь призму ППВ, чтобы идентифицировать те системы, которые могут либо приближаться к постпривычности, либо уже быть на грани ППВ.

За *расширенным настоящим* следует *привычное будущее* (и его варианты), которое кажется знакомым, поскольку передается образами и представлениями о будущем и его перспективах, которые нам знакомы и среди которых могут быть как основанные на фактических данных прогнозы, так и научная фантастика. Тренды, встроенные в *расширенное настоящее*, наряду с образами рекламы, корпоративным видением, популярными «футурологическими» и научно-фантастическими романами, фильмами и телевизионными шоу, экстраполируются и проецируются для создания картины будущего, которая слишком хорошо знакома.

За *знакомым будущим* (и его вариантами) идет *немысленное будущее* (и его варианты), горизонт чистой возможности. *Немысленное будущее* — не немыслимо, а скорее представляет собой горизонт, за которым что-то всегда остается непомысленным. Немысленное будущее — это не просто то, что не ожидается или не предполагается, а скорее то, что находится вне рамок привычного мышления.

Невежество, неопределенность и зверинец постпривычных возможностей

У каждого завтра есть свой конкретный тип неопределенности и невежества. Наиболее базовое разнообразие факторов неопределенности возникает в том случае, когда известно направление изменения, но оценить величину и вероятность событий и последствий невозможно. Эта ситуация характерна для *расширенного настоящего*. Мы называем это *поверхностной неопределенностью*, которой в какой-то степени можно управлять с помощью адекватных знаний и инструментов форсайта. В случае *знакомого будущего* перед нами предстает широкий спектр альтернатив и множество возможных вариантов будущего. Но мы знаем, что многие из этих перспектив будущего являются просто проекцией общепринятых образов конкретного будущего. Данный вариант представляет *неглубокую неопределенность*.

И наконец, *немысленное будущее* (и варианты), в котором может произойти все что угодно и все неизвестно, представляет нам *глубинную неопределенность*. В данном случае мы не знаем не только направленность, параметры и последствия изменений, но и неспособны понять, что происходит с системой, потому что наше мировоззрение и эпистемология совершенно неадекватны.

Каждый тип неопределенности связан с особой категорией невежества. Во-первых, простое или *обычное невежество* (обозначается как H^1). Этот вид невежества можно преодолеть, разобравшись со сложными сетями или признав право на одновременное существование «истин» действующих лиц с противоречивыми точками зрения. Это доминирующий вариант невежества *расширенного настоящего*: оно может быть

преодолено или уменьшено с помощью обучения, исследований, уважительного отношения к точке зрения других и через постановку правильных вопросов. *Знакомое будущее* дает нам более глубокое невежество, когда мы даже не знаем, какие вопросы следует задавать. Мы называем его **преодолимым невежеством** (обозначается как Н²). Сегодня его нельзя преодолеть путем обучения, поскольку нечему учиться, но оно создает понимание того, что мы не знаем и должны стремиться узнать в будущем. И далее следуют, конечно же, «неизвестные неизвестные» Рамсфелда: «то, что мы не знаем, что мы не знаем» [5]. Оно связано с *глубокой неопределенностью немысленного будущего* (и его вариантов) и классифицируется как **непреодолимое невежество** (обозначается как Н³).

Постпривычные явления легче всего различимы в *расширенном настоящем*. Они подобны **черному слону** в комнате, которого либо никто не видит, либо предпочитает игнорировать. Черный слон, отмечает Винай Гупта, «это событие, которое крайне вероятно и широко предсказывается экспертами, но люди пытаются выдать его за черного лебедя, когда оно наконец происходит» [6].

Черный лебедь, популярный образ Нассима Талеба, отражает суть *знакового будущего*. Даже эксперты не в состоянии заметить и обозначить черных лебедей. Они появляются «из-за угла», на ровном месте, отмечает Талеб. Они «очень чувствительны к просчетам, их, как правило, серьезно недооценивают, а порой серьезно переоценивают» [7]. Черные лебеди могут нести положительный эффект, то есть их воздействие может открыть ранее невообразимые возможности. Однако они также могут оказывать отрицательное влияние и служить сигналом для появляющихся ППС или ППВ.

Постпривычные явления нелегко рассмотреть в немысленном будущем. Постпривычный потенциал *немысленного будущего* представляется нами посредством **черных медуз**. Черные медузы — факторы, оказывающие «сильное воздействие». Но сами по себе они являются «привычным» явлением, которое превращается в постпривычные благодаря положительному результату.

Черные медузы указывают на то, как привычные ситуации и события становятся постпривычными, как они мутируют через ППО, становясь взаимосвязанными, объединенными, комплексными и противоречивыми.

Всех вместе, *черных слонов, черных лебедей и черных медуз* мы называем **«зверинцем постпривычных возможностей»** (зверинец). Наш зверинец, как мы считаем, подобен ансамблю, чьи действия бросают вызов глубоко укоренившимся убеждениям, проявляют закрепившиеся противоречия и пробуждают новые идеи.

Работа с 33

Рамки 33 имеют три специфические функции: (1) помочь нам исследовать альтернативные варианты будущего с акцентом на множественность и постпривычные возможности; (2) критически отнестись к существующим прогнозам и экстраполяции; и (3) структурировать

и сформировать политику, специально предназначенную для ориентации в постпривычное время.

Формирование политики, помогающей справиться с ППВ, требует принятия пространственно-временной синхронности ЗЗ. В совокупности три разновидности невежества и неопределенности, а также зверинец указывают на ППО, процесс, посредством которого привычные вещи и события становятся хаотичными, превращаясь в постпривычные.

Цель *постпривычной политики* (ППП) — подвести нас к осознанию невежества в трех его разновидностях, помочь понять комплексность и связанные с ней неопределенности, научить предвосхищать постпривычные возможности и, таким образом, наметить жизнеспособный, хотя, возможно, и неприятный путь продвижения вперед.

Место ЗЗ в исследовании перспектив будущего

В то время как дисциплина «Исследования перспектив будущего» подчеркивает альтернативы, многие методы исследований перспектив будущего и форсайта редко останавливаются на плюрализме и разнообразии, и лишь немногие подчеркивают динамический и объединяющий характер возможностей варьирования будущего. Структура ЗЗ предлагает многоуровневый подход, который может служить полезным инструментом критики и критического изучения перспектив будущего. ЗЗ также может служить аналитическим инструментом для выявления и контекстуализации трендов, назревающих проблем и представлений о будущем (вариантах будущего). Мы считаем, что ЗЗ может дополнять многие другие методы и исследования перспектив будущего как дисциплины.

В ППВ расширение границ правдоподобного требует нового типа мышления, которое напрямую связано с творчеством и воображением, и мы должны научиться справляться с комплексностью и неполным знанием. Наш подход должен быть как радикальным, так и умеренным, чтобы быть реалистичным и эффективным. Это то направление, по которому в конечном итоге ведет нас структура ЗЗ, — вперед, к *немысленному*.

Литература

1. Henchey, N. (1978) Making Sense of Futures Studies. *Alternatives: Perspectives on Society and Environment*, Winter.
2. Kristeva, J. (1977) *Polylogue*. Paris: Seuil.
3. Chen, H. (2010) The Concept of the 'Polylogue' and the Question of 'Intercultural' Identity. *Intercultural Communication Studies*, vol. XIX, no. 3, pp. 54–64.
4. Rao, V. (2012) Welcome to the Future Nauseous, ribbonfarm: experiments in refactored perception, 09 May. URL: <http://www.ribbonfarm.com/2012/05/09/welcome-to-the-future-nauseous/> (Accessed: 10 April 2015).
5. Morris, E. (2014) *The Unknown Known*. Participant Media.
6. Gupta, V. On Black Elephants. URL: <http://vinay.howtolivewiki.com/blog/flu/on-black-elephants-1450> (Accessed: 27 April 2009).
7. Taleb, N. N. (2007) *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York: Random House.

Заразительная взаимосвязанность: иллюстрация «трех завтра»

Джон А. Суини

До 2011 года городок Лерой, штат Нью-Йорк, был известен исключительно тем, что являлся родиной знаменитого американского желатинового десерта «*Jell-O*». Но все изменилось, когда группа подростков средней школы (Leroy High School) начала демонстрировать неконтролируемые спазмы, тики, судороги и заикание. Диагноз: массовое психогенное расстройство (МПР). Ранние отчеты отмечают, что первая группа пострадавших подростков смотрела различные видео на YouTube и имитировала увиденное. Д-р Дэвид Лихтер прокомментировал: «Я думаю, такое вполне вероятно может произойти с людьми, выходящими в интернет и наблюдающими за поведением других. Я также думаю, что вполне вероятно распространение влияния данного явления за пределы прямой контактной группы» [1].

Предчувствие доктора Лихтера, похоже, оправдалось, когда у Марджи Фитцсиммонс, 36-летней медсестры, которая не имела прямого контакта ни с одним из пострадавших школьников, начали проявляться те же симптомы. Доктор Роберт Варфоломей обращает внимание на зловещую потенциальную возможность, говоря следующее: одним из «гораздо более масштабных и глобальных эпизодов (если только мы быстро не поймем, как социальные медиа это делают) является их роль в качестве основного вектора и агента распространения конверсионного расстройства впервые за всю историю человечества» [2].

Симптомы психических заболеваний не являются постоянными и неизменными, но могут быть модифицированы путем изменения культурной среды. Если культурный фон является фактором, способствующим возникновению таких инцидентов, как его понимание может помочь выяснению того, что произошло в Лероие?

Аффект стал популярным понятием среди теоретиков, поскольку указывает на присущую нам пластичность как «пористо-открытых систем» [3]. Аффект предполагает множество социальных и политических последствий. Наиболее глубоким из них является то, что наш мозг и тело настолько сильно восприимчивы к ряду эпигенетических сил, что сами категории, используемые для обозначения индивидуальности, в лучшем случае неоднозначны, если не совсем произвольны. «Заразительная взаимосвязанность» выражается в неотвязном желании проверить свою электронную почту, в желании нажать функцию обновления на своей страничке в соцсети, которую вы только что загрузили.

Может ли аффект объяснить вспышку в Лероие? Может ли Всемирная паутина (WWW) заразить кого-либо? Можно ли воспользоваться заразительной взаимосвязанностью или даже превратить ее в оружие? Используя объектив постпривычного времени для исследования заразительной взаимосвязанности Всемирной паутины, в настоящей работе

применяется новый форсайт-метод для изучения назревающих сил и проблем, которые будут подталкивать и определять развитие WWW в предстоящие годы.

Насколько постпривычны времена?

В конце концов, постпривычное время требует новых способов исследования и анализа, хотя бы для того, чтобы справиться с хаосом, противоречиями и комплексностью жизни в эпоху непокоряющейся неопределенности и ускоряющихся изменений. «Три завтра» (3З) являются методом для моделирования этой динамики и обеспечения более надежной основы и подхода для исследований перспектив будущего. Методология 3З использует определенное явление или направление (в нашем случае аффект и WWW) для исследования возможностей, которые могут ожидать нас впереди. Таким образом, сценарии, созданные с использованием метода 3З, уделяют основное внимание назревающим проблемам и направлены на то, чтобы затронуть ранее *немысленные* проблемы и вопросы.

Черные слоны *расширенного настоящего*

В 2013 году один сайт онлайн-купонов провел опрос среди 2403 родителей об использовании гаджетов маленькими детьми. 86% респондентов признались, что использовали смартфон для успокоения плачущего ребенка или как няньку [4]. Американская академия педиатрии рекомендовала родителям «препятствовать детям младше 2 лет рассматривать информацию на экране» [5]. Поскольку рост повсеместного использования смартфонов и планшетов — явление сравнительно новое, нет ни одного фундаментального исследования, которое могло бы обосновать или просто выдвинуть гипотезу о далеко идущих последствиях внешнего воздействия или аффектов. Какая заразительная взаимосвязанность может возникнуть в результате подобного рода вмешательств?

Черные лебеди перспектив *знакомого будущего*

Нет недостатка в сценариях будущего, касающегося интернета. Поскольку большинство образов интернета будущего сосредоточено на доступе, услугах и инфраструктуре, черные лебеди данного горизонта должны приземлиться в области конвергенции потенциальных аффектов WWW. Учитывая широкий интерес к секьюритизации интернета, — от сохранности личной конфиденциальной информации до ведения кибервойн, — создание метасимвола, который может стать толчком к знакомому будущему (и его вариантам), имеет решающее значение в данной области.

Збигнев Бжезинский предлагает широкий спектр возможностей в будущем. Бжезинский пишет: «Вполне возможно использовать в стратегически-политических целях результаты исследований мозга и поведения человека. <...> „Можно было бы разработать систему, которая могла бы серьезно ухудшить работу мозга очень больших групп населения в определенных регионах на продолжительное время“ <...>» [6].

«Еще один катастрофический теракт ведет не только к победе политики отслеживания всей нейронной информации, но и узаконивает стратегию контроля сознания противника по законам военного времени. Изменяющие сознание наркотики и взятые на вооружение нейронные технологии становятся стандартами военных операций» [7]. Что, если внимание негосударственных субъектов переключится с обеспечения безопасности ядерного, биологического и / или кибероружия на нелегальное нейросоматическое оружие? Можно ли использовать социальные сети в качестве оружия?

Черные медузы перспектив *немысленного будущего*

За последнее десятилетие население Грин-Бэнка в Западной Вирджинии увеличилось до 147 жителей. Все последние достижения цивилизации запрещены на территории поселка из-за его расположения в Национальной зоне радиомолчания (National Radio Quiet Zone). Как люди могут жить без доступа к WWW?

Хотя электромагнитная сверхчувствительность (ЭСЧ) остается непризнанным медицинским симптомом, многие сообщают о физических недугах, основанных на различной степени чувствительности к электромагнитным полям (ЭМП). Если жертвы ЭСЧ на самом деле не страдают чувствительностью к ЭМП, а просто воспринимают его присутствие на ментальном уровне, тогда острое нейросоматическое состояние является патологией, другими словами, эффектом заражительной связи.

А что, если возникла положительная обратная связь, основанная на восприятии эффекта ЭМП? Может быть, стоит расширить Национальную зону радиомолчания? Возможно ли превращение пострадавших в беженцев? Как национальные и международные интересы могут столкнуться и конкурировать в сфере общественного здравоохранения? Совершенно очевидно, что подобные вопросы вполне вероятны, но их потенциальные последствия требуют от нас взглянуть в лицо немысленному.

Сценарии

Расширенное настоящее

В результате загадочной пандемии тысячи детей в 27 странах демонстрируют ряд аномальных форм поведения: от неконтролируемых спазмов до почти кататонических состояний. Единственным общим фактором, связывающим всех пострадавших, является использование ставшего всемирно популярным в 2018 году приложения для изучения языка в раннем детстве. К середине 2019 года был зарегистрирован миллион загрузок приложения, хотя медики сразу забили тревогу в отношении бесконтрольно втягивающего интерфейса и вызываемой игровым процессом зависимости. Расследование, осуществляемое Центром по контролю за заболеваниями, пока не дало никаких убедительных результатов, и политическим лидерам приходится проводить многочисленные слушания, чтобы успокоить разгневанных избирателей.

Знакомое будущее

Вслед за публикацией тысячи секретных правительственных документов после очередного скандала с разоблачителями, одно сообщение вновь разожгло гнев скорбящих родителей, потерявших своих детей во время загадочной пандемии, разразившейся более десяти лет назад. Отмечая участие правительства в содействии исследованиям и разработке технологии нейроаффективных манипуляций через ряд интерфейсов сетевых СМИ, которые позже были использованы для создания инновационных приложений по обучению детей, в упомянутом сообщении также отмечается, что указанная технология была частью кэша данных, потерянных во время масштабной кибератаки в 2028 году. Ситуация усугубляется тем, что известная в регионе экстремистская группировка провозгласила начало новой эры боевых действий, громко заявив, что «новое оружие» обеспечит им победу и позволит наносить крупномасштабные наступательные удары за рубежом.

Немысленное будущее

Когда новостные агентства начали сообщать о содержании восстановленного видео, принадлежавшего одной экстремистской группировке, заявляющей о готовящемся нападении на Нью-Йорк с использованием непобедимого, невидимого оружия, общество объял страх. Подпитываемая безудержными спекуляциями и опасениями из-за подозрительных вспышек различных заболеваний в недавнем прошлом, а также вредоносной информации из множества просочившихся документов, паника превратилась в фобию. Тысячи людей начали обращаться за медицинской помощью по поводу различных симптомов, хотя большинство из них были здоровы. Интернет-группы поддержки пострадавшим росли в геометрической прогрессии, движимые гипотезой о том, что самозащита от электроники, особенно от устройств с доступом в интернет, принесет облегчение. То, что начиналось как миграция нескольких семей, быстро превратилось в отъезд тысяч в поисках убежища.

Подталкивая и взвешивая перспективы будущего

Подобно сетям, заражаемым компьютерным вирусом, впитывающее все и вся человечество также подвержено несчастным случаям. Однако интерпретация аффекта как благоприобретенного, является только одним из вариантов прочтения развития динамики вспышки массового психогенного расстройства в Лероие. Это вылилось в ряд возможных вариантов: доступ детей к интернет-интерфейсам и их использование, возможность развертывания негосударственными субъектами нейросоматического оружия, а также вероятность превращения ЭСЧ в серьезную проблему общественного здравоохранения.

Люди всегда использовали различные инструменты для расширения границ своего существования в мире. Но все чаще эти инструменты напоминают явные протезы, обещающие ряд радикальных возможностей, однако их социальная приемлемость стала зависеть от ряда условий.

Литература

1. Admin WKBW. "Social Networking to Blame for Spreading LeRoy Illness?" February 2012. URL: <http://www.wkbw.com/news/Social-Networking-to-Blame-for-Spreading-LeRoy-Illness-138821059.html>
2. Dimon, L. (2013) What Witchcraft is Facebook? *The Atlantic*, September 11. URL: <http://www.theatlantic.com/health/archive/2013/09/what-witchcraft-is-facebook/279499/>
3. Dator, J. A., Sweeney, J. A., & Yee, A. M. (2015) *Mutative Media. Lecture Notes in Social Networks*. Cham: Springer International Publishing. URL: <http://link.springer.com/10.1007/978-3-319-07809-0>
4. Mi. Amodio. High-tech babysitters: Gadgets as attention grabbers for little ones. June 27, 2013. URL: <http://zone.tmcnet.com/topics/articles/343806-high-tech-babysitters-gadgets-as-attention-grabberslittle.htm>
5. Council on Communications and Media. "Children, adolescents, and the media". *PEDIATRICS*, 132(5), 2013, pp. 958–961. DOI:10.1542/peds.2013-2656
6. Brzezinski, Z. (1970) *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York: The Viking Press.
7. Dunagan, J. F. (2010) Politics for the Neurocentric Age. *Journal of Futures Studies*, 15 (2), pp. 51–70.

Невежество, неопределенность и «А что, если?»

Джером Равец

Сегодня почти повсеместно признано, что в основе научной деятельности больше не лежат открытия. Основные проблемы научной сферы в настоящее время проистекают из вызовов (и угроз), представленных до сих пор слепым и неконтролируемым ростом всей нашей научно-технической и промышленной системы.

Рассмотрим следующее утверждение:

«В таких сложных вопросах, как влияние человеческой деятельности на окружающую среду, поиск простых истин может скрыть неопределенность реальности. Практически все, что мы делаем, потребляем и с чем сталкиваемся, несет определенные риски. Мы должны решить, за какие риски необходимо взяться особенно решительно, в какой последовательности, каким образом, как глубоко и какой ценой. Наука об окружающей среде — не простая вещь; описать технические данные и дать детальную оценку рисков сложно, но в ней отражается реальность тех выборов, которые общество должно сделать. Вопросы непростые, и науке принадлежит важная роль».

Это цитата доктора Криса Фэя, председателя и главного исполнительного директора «Shell UK Limited». Доктор Фэй получил образование в сфере социальных проблем научного знания, которое сложно получить в университетах, но которое было ему предоставлено довольно неожиданным образом в ходе его трудовой деятельности.

Приведенная выше цитата напоминает нам, что потеря уверенности и выход на авансцену этики являются центральными проблемами в этом новом для науки состоянии. Одновременно научные эксперты теряют гегемонию в области обсуждения и дискутирования политических вопросов, связанных с наукой. «Объективность» превратилась в проблему, а не в основание науки. Мы используем термин «постпривычная наука», чтобы как-то позиционировать этот новый вид науки.

Наводящие вопросы

Принимая идею существования различных стилей исследования, мы можем перейти к моей классификации, которая построена вокруг «наводящих вопросов». Мы можем начать с трех видов исследований, которые обозначим как «исследование», «проектирование» и «поиск». Каждому из них соответствуют определенные вопросы: «что / как?», «как / почему?» и «а что, если?».

Эти «наводящие вопросы» призваны скорее прояснить, а не давать определение; а термин «наводящий вопрос» позволяет нам представить, что в любом конкретном исследовании все три вида вопросов появляются в нужное время и в нужном месте.

В контексте новых вызовов, стоящих перед наукой, вопрос «а что, если?» становится ведущим, приобретая новую актуальность. Теперь наше невежество больше не носит безобидный характер, а делается опасным. Возможно, никогда, или иногда, или большую часть времени, или постоянно, а может быть раз или два, или каждый раз.

Если мы обозначим «а что, если?» как главный вопрос, тогда вся наша концепция научной деятельности может развиваться достаточно плодотворно. Задача состоит в том, чтобы гарантировать вторжение неопределенности рабочей среды системы только в приемлемой степени, так чтобы деятельность по решению проблем имела дело в основном с этими четко определенными заместителями неопределенной реальности.

Наряду с неопределенностью реального мира нам необходимо также эффективно справляться с его комплексностью. Такой подход пронизывает всю нашу научно-техническую культуру. Когда мы привыкнем задавать вопрос «а что, если?» и ожидать неожиданного, тогда мы полностью осознаем, что ни одна точка зрения не может в полной мере вместить в себя любую реальную ситуацию.

Принятие «а что, если?» в качестве научного подхода также окажет важное влияние на процесс разработки правил поведения. На сегодня нам известно, что использование науки для разработки упомянутых правил сильно отличается от простого процесса «получения фактов». Чтобы обеспечить наличие фактов, первоначально требуется расставить приоритеты, для того чтобы поддержать исследование. Затем необходимо выстроить это исследование вокруг соответствующих вопросов. А поскольку каждый вопрос, касающийся правил, является комплексным и включает аспекты как природы, так и общества, то и «причина» проблемы будет столь же неоднозначной.

Подход «а что, если?» также является выражением *принципа пред-усмотрительности*. Он защищает ученых от скоропалительного выбора исследовательских проблем. Представьте себе непрерывный диалог между участниками разного рода запросов. Хотя вопрос «а что, если?» перестает быть центральным после начала исследовательской работы, его всегда следует вспоминать в качестве важного дополнения к процессу решения головоломок, из которого в конечном итоге возникают соответствующие факты.

Наконец, есть социальные последствия научного подхода «а что, если?». В диалоге должны фигурировать идеи и предложения людей с разным уровнем опыта или даже совсем без него. Поскольку множество вопросов «а что, если?» вызвано достаточно оригинальными данными, принятие подхода «а что, если?» неотделимо от признания расширенных фактов, расширенного сообщества коллег и самого подхода постпри-вычной науки.

Заключение: контексты «а что, если?»

А как насчет «критической науки» прошлого поколения [1]? Я отказался от такого политизированного подхода по двум причинам. Какое-то время, когда реальность «военно-промышленного и научного комплексов» была новым открытием для широкой общественности, казалось возможным, что радикальное движение может быть организовано вокруг самой науки. Однако поддержать этот энтузиазм не удалось, а тем временем изменилась сама политика. Если наука должна стать центральным вопросом в этом новом контексте, дебаты будут сосредоточены не столько на аспектах распределения, сколько на его философских основаниях.

Этот новый фокус выражен в выступлениях Сардара за Других [2]. По мере того, как его высказывания набирают вес, мы обретаем драгоценный дар «видеть себя такими, какими нас видят другие». На этой основе мы могли бы осуществить необходимую реформу науки относительно ее социальных функций, методов работы и концептуальных объектов. Дополнительное развитие может происходить в рамках спонтанно возникающей культуры, которая, среди прочих трендов, обозначается по-разному: и «зеленой», и «феминистской», и «нью-эйдж». Разнообразие названий указывает на большое разнообразие проблем и стилей, некоторые из которых совпадают, а некоторые несовместимы и взаимно противоположны. Любое последовательное видение науки, основанное на одной составляющей этого разнообразного движения, определено, так или иначе, оттолкнет большинство других участников.

Литература

1. Ravetz, R. (1996) Critical Science: Politics and Philosophy. In: *Scientific Knowledge and its Social Problems*. New Brunswick, NJ: Transaction Press, pp. 422–436.
2. Sardar, Z. (1994) Conquests, chaos, complexity. The Other in modern and postmodern science. *Futures*, 26(6), pp. 665–682.

«Здесь обитают драконы»: исследуя «неизвестное неизвестное»

Ширин Элахи

Введение

На медной поверхности глобуса Ленокса выгравированы памятные слова на латинском: NIC SVNT DRACONES. Эта фраза, переводимая как «Здесь обитают драконы», использовалась для обозначения опасных или неизведанных территорий. Для любого пользователя картами понимание границ знаний было почти так же важно, как и сами знания. Иллюзия знания была самой величайшей опасностью [1].

А где же обитают драконы в современном мире? Становится все более очевидным, что они притаились повсюду вокруг нас. Они проявляют себя каждый раз в белых пятнах, касающихся научных, географических, временных и институциональных границ, которые остаются непризнанными из-за проблем, воплощенных в них, из-за нашего человеческого стремления к порядку и контролю.

Примеры «Здесь обитают драконы»

Научный мир не признает «области обитания драконов», поэтому исследований на эту тему мало. Данная статья выделяет три примера: «злободневные проблемы», «черные лебеди» и «поспиривычная наука».

Злободневные проблемы или беспорядки представляют собой неоднозначные, сильно ограниченные, тесно взаимосвязанные комплексные дилеммы. Из-за их переменчивого характера и сложных взаимозависимостей практически невозможно дать им единое определение, поскольку множество разных точек зрения и проблем сразу участвуют в игре [2].

Черный лебедь — это непредсказуемое, невероятное событие, для которого характерно огромное влияние на существующее положение [3].

Постспиривычная наука характеризуется высокими ставками, неопределенностью фактов, спорными ценностями и неотложными решениями. В такой ситуации признание со стороны коллег низкое или практически отсутствует, теоретические структуры основаны на статистической обработке и вводе данных, а неопределенность стремится к незнанию.

Все они имеют дело с взаимодействием между многочисленными взаимосвязанными и взаимозависимыми системами с множеством разных участников. Поэтому информация всегда будет оставаться неполной. Еще одной общей отличительной чертой этих систем является их способность бросать вызов традиционному мышлению и статус-кво.

Признание области «здесь обитают драконы»

Человеческая психология, институциональные рамки и научные условности — все сговорилось уничтожить территорию «здесь обитают драконы» в коллективном сознании. Противодействовать этому процессу

можно через использование новых цифровых инструментов и процессов, позволяющих использовать более широкие социальные рамки. Такой подход сможет объединить разрозненные культурные ценности и мировоззрения, чтобы добиться большей социальной легитимности, а также признания и локализации территорий «здесь обитают драконы».

Важнейший вопрос заключается в том, приведут ли эти новые цифровые инструменты и процессы к росту осознания существования и к признанию области «здесь обитают драконы». Будучи использованы в сочетании со сценариями и форсайтом, эти инструменты могут гарантировать попадание территории «здесь обитают драконы» на наши коллективные ментальные карты.

Сценарии как анализ мета-рисков

Форсайт позволяет нам представить себе то, что еще не произошло, чтобы защитить себя от суровых реалий фактического опыта. Мы запускаем этот процесс, чтобы понять и определить направление, которое может разворачивать нас в будущем.

Сценарная методология является форсайт-методологией, позволяющей исследовать сложность, а также противоречивые системы убеждений. Сценарии предлагают средства коллективного изучения неопределенностей, вырабатывая таким образом общее понимание лежащих в их основе динамики и проблем, которые могут повлиять на будущее.

Никогда раньше еще не было такой большой потребности в социальной адаптации перед лицом экспоненциальных изменений. Сегодня различные сообщества настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, что существует большая потребность в повышенной сопротивляемости, однако это потребует признания существования территорий, где обитают драконы, и стратегий по их материализации.

Заключение

Пришло время признать существование земель, обозначаемых как «здесь обитают драконы», и выяснить, какие из них представляют наибольший риск для общества, которое мы желаем для себя и нового подрастающего поколения. Невежество, двусмысленность и научная неопределенность слишком часто удачно стирались с наших карт знаний. Но мир постоянно меняется. Земли, где обитают драконы, окружают нас повсюду, но человечество, зависящее от сложной сети взаимосвязанных систем, игнорирует их на свой страх и риск.

Литература

1. Ravetz, J. R. (1986) Usable knowledge, usable ignorance: incomplete science with policy implications. In: W. C. Clark, R. C. Munn (eds.) *Sustainable Development of the Biosphere*. New York: Cambridge University Press, pp. 415–432.
2. Rittel, H., Webber, M. (1973) *Dilemmas in a General Theory of Planning*, *Policy Sciences* (4), pp. 155–169; Ackoff, R. (1974) *Redesigning the Future: A Systems Approach to Societal Problems*. NJ, London: John Wiley & Sons.
3. Taleb, N. N. (2007) *The Black Swan*. London: Allen Lane.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Постпривычные артефакты

Зияуддин Сардар

С точки зрения постпривычного времени возникает естественный вопрос: если постпривычное время представляет собой особую историческую эпоху, знаменующую переход от предыдущих периодов истории, то какие предметы материальной культуры и уникальные особенности она породила или может произвести? Какой «хлам», выражаясь жаргонным языком, определяет эту эпоху как отдельный период?

Если постпривычное время породило свои собственные артефакты, то мы сможем отличить их от артефактов других периодов Современности, таких как модерн или постмодерн. Поэтому, для целей данного исследования, давайте разделим Современность на четыре временных отрезка:

Классика (1920–1950)

Модерн (1950–1975)

Постмодерн (1975–2005)

Постпривычность (2005 — по настоящее время)

Это деление так же произвольно, как и любые другие попытки разбить историю на поименованные блоки. Однако теперь мы можем идентифицировать артефакты и посмотреть, не породило ли постпривычное время нечто совершенно отличное.

Итак, вот мой примерный список нарождающихся постпривычных артефактов.

Смысл

Классика: «Я мыслю, следовательно, я существую»

Модерн: «Я развиваюсь, следовательно, я существую»

Постмодерн: «Я покупаю, следовательно, я существую»

Постпривычность: «Я делюсь, следовательно, я существую»

Истина

Классика: монолитна

Модерн: монолитна

Постмодерн: относительна и плюралистична

Постпривычность: противоречива

Идентичность

Классика: «Я — традиция и культура»

Модерн: «Я — наука и технологии»

Постмодерн: «Я — то, что я покупаю»

Постпривычность: «Я — моя страница на Facebook»

Изменения

Классика: квазистатичные, медленные

Модерн: быстрые

Постмодерн: еще быстрее

Постпривычность: темп еще ускоряется, хаотичные

Системы

Классика: простые, закрытые

Модерн: сложные, закрытые

Постмодерн: комплексные, открытые

Постпривычность: открытые, взаимосвязанные, комплексные, хаотичные

Ключевые идеи

Классика: завоевание, превосходство, прогресс

Модерн: прогресс, эффективность, модернизация

Постмодерн: ликвидация гранд-нарративов (смысл), множественность истин, множественность голосов

Постпривычность: комплексность, хаос, противоречия, неопределенность, невежество

Мировой порядок

Классика: конкурирующие колониальные державы (Великобритания, Франция, Голландия, США)

Модерн: биполярный мир; «холодная война» (США — Советский Союз)

Постмодерн: однополярный мир (США)

Постпривычность: многополярный мир (США, Китай, Россия, ЕС, Индия, Бразилия)

Знание

Классика: проведение обоснованного исследования...

Модерн: ...ставшего возможным благодаря научному прогрессу и развитию

Постмодерн: социально сконструировано и относительно, Википедия

Постпривычность: «расширенные факты», заложенные в неопределенности и незнании

Наука

Классика: погоня за истиной, финансируется главным образом государством

Модерн: научный метод как нейтральная, объективная правда; финансируется государством и корпорациями (военно-промышленный комплекс); рецензируемые публикации

Постмодерн: социально сконструирована; финансируется главным образом комплексом военно-промышленных корпораций; рецензируемые публикации

Постпривычность: «факты неопределенные, ценности спорные, ставки высокие, решения срочные»; управляется мегакорпорациями (Google, Microsoft) и миллиардерами-филантропами; «расширенные сообщества коллег», но все еще в значительной степени финансируется комплексом военно-промышленных корпораций

Технологии

Классика: медленное внедрение науки для облегчения работы

Модерн: идеологически ориентированы на «улучшение общества», антибиотики, а также ядерное оружие

Постмодерн: встроены в политику; секвенирование генома, биотехнологии, информационные и коммуникационные технологии

Постпривычность: слияние человека и машины, редактирование ДНК, дроны, киборги

Медицина

Классика: без антибиотиков и необходимых анестетиков

Модерн: «современная хирургия», антибиотики, мониторинг при помощи электрокардиограммы (ЭКГ), операции на сердце, трансплантация почек

Постмодерн: электронный мониторинг пациентов, микрохирургия, пластика лица

Постпривычность: дистанционная хирургия, терапия стволовыми клетками, синтетические органы

Связь

Классика: телефон, телеграф, азбука Морзе, радио

Модерн: микроволны, телевизор

Постмодерн: мобильные телефоны, электронная почта, Интернет, World Wide Web

Постпривычность: мгновенная, непрерывная, круглосуточные мировые новостные каналы, Facebook, Twitter, «интернет вещей»

Политическая организация

Классика: империи

Модерн: национальные государства

Постмодерн: региональные группы и союзы (ЕС, АСЕАН, ОИК)

Постпривычность: переход власти к негосударственным субъектам

Правление

Классика: представительная демократия

Модерн: демократия, основанная на учете интересов сторон (неолиберальная, гиперсовременная)

Постмодерн: совещательная демократия (разнообразие, множественность, «политика различий»)

Постпривычность: комплексное, хаотичное, неуправляемое

Экономика

Классика: классическая макроэкономика (Адам Смит)

Модерн: капиталистическая (свободный рынок), коммунистическая (централизованно управляемый)

Постмодерн: неолиберальная экономическая глобализация (крупномасштабная корпоративная торговля и приватизация ресурсов)

Постпривычность: цифровая, «подиумный» монетаризм

Религия (разновидность)

Классика: монотеизм

Модерн: монотеизм

Постмодерн: Нью-эйдж, фундаментализм

Постпривычность: эклектика, фундаментализм, политеизм

Равенство

Классика: законодательно утвержденная дискриминация, «закон о бедных»

Модерн: государство всеобщего благосостояния, предполагается равенство всех перед законом, эффект просачивания благ для улучшения положения бедных

Постмодерн: мультикультурализм, интеграция, ассимиляция

Постпривычность: рост неравенства, богатые становятся богаче с молниеносной скоростью

Границы

Классика: фиксированные

Модерн: гибкие

Постмодерн: прозрачные

Постпривычность: исчезающие

Природа

Классика: приручить и эксплуатировать

Модерн: приручена, под контролем, но есть «пределы роста»

Постмодерн: социальное конструирование природы, экополитика

Постпривычность: дикая, изменение климата, исчезающие виды

Окружающая среда

Классика: относительно благоприятная

Модерн: загрязненная

Постмодерн: токсичная

Постпривычность: экологическая катастрофа, изменение климата

«Божество»

Классика: «Бог везде и во всем»

Модерн: «богом является Истина» (ранний модерн); «Бог мертв» (поздний модерн)

Постмодерн: «бог — это машина» или «бог — это я»

Постпривычность: «богом является невежество»

Религия (роль)

Классика: религия объясняет мир

Модерн: религия помогает нам понять мир

Постмодерн: религия была ложью; либеральный секуляризм — новая теория спасения

Постпривычность: религия — неопределенный феномен, поэтому должна быть открыта для множественных интерпретаций и стать комплексной

Война

Классика: Первая мировая

Модерн: Холокост

Постмодерн: война в Персидском заливе (как ее показывали по ТВ)

Постпривычность: атаки дронов, кибервойна, милитаризованные роботы (война как игра, лишенная человеческой составляющей)

Протесты

Классика: акты гражданского неповиновения (движение за права чернокожего населения Северной Америки), ненасильственное сопротивление (Ганди)

Модерн: анархическая подрывная деятельность, жестокие демонстрации («Черные пантеры»), мирные марши (компания за ядерное разоружение)

Постмодерн: массовая мобилизация (гей-парады, протесты против войны в Персидском заливе)

Постпривычность: стимулируются цифровыми СМИ, взаимосвязаны, сложные и хаотичные по своей природе («арабская весна», протесты дальнобойщиков в Великобритании, США и других странах, протесты работников общественного транспорта Аргентины)

Терроризм

Классика: городские банды, терроризм во имя независимости («Битва за Алжир»^{*})

^{*} «Битва за Алжир» — военная кинодрама итальянского режиссера Джилло Понтекорво, вышедшая на экраны в 1966 году и ставшая одним из самых громких киноскандалов десятилетия. В центре фильма — события алжирской борьбы за независимость в 1954–1960 годах. Фильм основан на книге мемуаров Саади Ясефа — одного из лидеров «Фронта национального освобождения», левой политической партии Алжира.

Модерн: локальный, с конкретными целями (ИРА, баскские сепаратисты)
Постмодерн: глобальный, террористы-смертники, негосударственные субъекты (Аль-Каида)

Постпривычность: глобальный, взаимосвязанный, с привлечением социальных сетей, территориально ориентирован («Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), Талибан, Боко Харам)

Тело

Классика: мускулистое

Модерн: спортивное

Постмодерн: андрогенное

Постпривычность: улучшенное

Города

Классика: Миссисипи, Кейптаун (периода апартеида)

Модерн: Нью-Йорк, Лондон, Париж

Постмодерн: Токио, Дубай, Путраджая (Малайзия)

Постпривычность: Багдад (после вывода союзников), Каир (после двух восстаний), Алеппо, Фергюсон, США

Фильмы

Классика: «Мистер Смит едет в Вашингтон»^{*}

Модерн: «Вторжение похитителей тел»^{**}

Постмодерн: «Секс, ложь и видео»^{***}

Постпривычность: «Она»^{****}

^{*} «Мистер Смит едет в Вашингтон» (*Mr Smith Goes to Washington*) — фильм режиссера Фрэнка Капры, снятый в 1939 году по рассказу Льюиса Р. Фостера «Джентльмен из Монтаны» (*The Gentleman from Montana*). Сюжет разворачивается вокруг борьбы героя-одиночки, преданного своей стране и ее идеалам свободы, с коррупцией и политиками-интриганами.

^{**} «Вторжение похитителей тел» (*Invasion of the Body Snatchers*) — научно-фантастический фильм режиссера Дона Сигела, снятый в 1956 году и ставший первой экранизацией романа Джека Финнея (псевдоним Уолтера Брейдена), американского писателя-фантаста. Основная тема — вторжение недружественного разума из других миров. Книга оказала влияние на творчество многих писателей и кинематографистов, и попытки ее экранизации продолжают до сих пор. С каждым новым фильмом сюжет приобретает все более мрачные, сюрреалистические краски.

^{***} «Секс, ложь и видео» (*Sex, Lies and Videotapes*) — американская психологическая драма режиссера Стивена Содерберга, вышедшая на экраны в 1989 году. Фильм повествует о взаимоотношениях женщины, разочаровавшейся в своей семейной жизни из-за постоянных измен мужа, и мужчины, отчаявшегося найти счастье в любви. Фильм поднимает проблему сути настоящей интимной близости.

^{****} «Она» (*Her*) — американская фантастическая мелодрама режиссера и сценариста Спайка Джонза, мировая премьера которой состоялась в 2013 году. В основе сюжета — события, разворачивающиеся в недалеком будущем и описывающие отношения человека и искусственного интеллекта.

Телевидение

Классика: «Я люблю Люси»^{*}

Модерн: «Миссия невыполнима»^{**}

Постмодерн: «Звездный путь: Следующее поколение»^{***}

Постпривычность: «Кремниевая долина»^{****}

Музыка

Классика: джаз, биг-бэнд свинг

Модерн: поп, рок-н-ролл, диско, тяжелый рок (хеви-метал)

Постмодерн: ню-эйдж, психоделика, смесь восточной и западной, панк, гранж и хаус

Постпривычность: еще не появилась, но канадская экспериментальная группа «Post Normal» работает в этом направлении

Голливудские герои

Классика: Кларк Гейбл — «Честно говоря, дорогуша, мне наплевать»

Модерн: Джеймс Дин — «Плохой мальчик из хорошей семьи»

Постмодерн: Арнольд Шварценеггер — «Hasta la vista, детка»

Постпривычность: Джонни Депп — «Честно говоря, нужно остерегаться честных людей. Никогда нельзя предсказать, когда они собираются совершить невероятную глупость»

Секс-символ

Классика: Мэй Уэст — «Это пистолет у тебя в кармане, или ты просто рад меня видеть?»

Модерн: Мэрилин Монро — «В джазе только девушки» (*Gentlemen Prefer Blondes*)

Постмодерн: Мадонна — «Я материальная девушка» (*I am a material girl*)

^{*} «Я люблю Люси» (*I Love Lucy*) — американский комедийный телесериал, выходивший в 1951–1957 годах, о домохозяйке, мечтающей оказаться на сцене, но ее муж всячески этому противится. Сериал считается одним из самых популярных и влиятельных за всю историю телевидения.

^{**} «Миссия невыполнима» (*Mission: Impossible*) — американский телевизионный сериал, снятый в 1966–1973 годах. В основе сюжета — работа специального отряда оперативников, которые борются с преступниками, шпионами и диктаторами. Часто операции проводятся в странах Восточного блока, на фоне «ужасов коммунистической диктатуры».

^{***} «Звездный путь: Следующее поколение» (*Star Trek: The Next Generation*) — американский телевизионный научно-фантастический сериал, снимавшийся в 1987–1994 годах. Является частью фантастической саги «Звездный путь», повествует о приключениях космического корабля «Энтерпрайз NCC-1701-D».

^{****} «Кремниевая долина» (*Silicon Valley*) — американский комедийный сериал, созданный в 2015–2019 годах о бизнесе в Кремниевой долине.

Постпривычность: Лаверн Кокс — «Подделка»*

Секс

Классика: «Кодекс Хейса» (никаких двуспальных кроватей, никаких поцелуев продолжительностью более десяти секунд, никакой обнаженки)

Модерн: «Трах-бах, спасибо, мам»

Постмодерн: «Онлайн секс» — подключиться, выйти, отключиться

Постпривычность: порнография не проблема

Брак

Классика: моногамный

Модерн: серийный моногамный

Постмодерн: серийный, множественный, моногамный

Постпривычность: гетеро, гомо, транс, серийный, множественный

Здания

Классика: Эмпайр-стейт-билдинг, Нью-Йорк

Модерн: Музей Гуггенхайма, Нью-Йорк

Постмодерн: отель «Бонавентура», Лос-Анджелес

Постпривычность: Королевская часовая башня, Мекка

Художники

Классика: Пабло Пикассо (1881–1973), испанский художник, основоположник кубизма

Модерн: Джексон Поллок (1912–1956), американский художник, представитель абстрактного экспрессионизма

Постмодерн: Энди Уорхол (1928–1987), американский основатель поп-арта

Постпривычность: Бэнкси (р. 1974), псевдоним английского уличного художника

Романы

Классика: Скотт Фицджеральд «Великий Гэтсби» (роман «века джаза»)

Модерн: Альберт Камю «Посторонний» (классика экзистенциализма)

Постмодерн: Салман Рушди «Дети полуночи» (историко-бытовое исследование с элементами мистики и волшебства)

Постпривычность: Дж. Уилсон «Алиф-невидимка» (городское фэнтези)

* «Подделка» (*Faking It*) — американский романтический комедийный телесериал (2014–2016), рассказывающий о том, как подросткам из либерального тexasского общества приходится сегодня разбираться с проблемами сексуальной ориентации, терпимости и признания среди молодежи. Лаверн Кокс представляет трансгендерное (ЛГБТ) сообщество; первая женщина, открыто признавшая себя трансгендером и получившая ряд признанных международных артистических премий и номинаций.

Глобальное постраннение

Джон А. Суини

Бандару Махшахру не привыкать к жаре. Летом в его северной иранской деревушке температура нередко держится выше 45 градусов по Цельсию. Но когда тепловой индекс превысил 74 градуса по Цельсию, второй по величине показатель, когда-либо зарегистрированный в истории, мир обратил на это внимание. В течение многих лет отчеты предупреждали, что экстремальные явления начнут проявляться в мировой климатической системе. Однако факт наличия предупреждения об ожидающемся наплыве большего числа экстремальных явлений не означает, что у нас есть или будет возможность прогнозировать и / или смягчать их. Климатическая система из той, какой мы ее знаем, превращается в постпривычную, и любые попытки что-то обозначить заранее все больше и больше напоминают сизифов труд.

Насколько странными могут стать события? Это может быть определяющим вопросом XXI века.

Погодная обсерватория на Мауна-Лоа, атмосферная станция у подножия одноименного вулкана на Гавайях (США), в мае 2013 года зафиксировала, что содержание двуокси углерода в атмосфере достигло 400 промилле. Последний раз, когда уровень углерода в атмосфере был таким же высоким, «температура на земном шаре в среднем была примерно на 3 градуса выше, а уровень моря поднимался над береговой линией на 5 метров и выше», но человечество тогда еще не существовало. Мы запутали ход развития глобальной климатической системы, и поскольку этот процесс продолжается, мы живем в мире, подверженном чрезвычайным странностям.

Глобальное постраннение, а не просто глобальное потепление, представляет собой больше, чем простую игру слов. Это прогноз. Глобальное постраннение — «подходящее прозвище для зарождающейся сети

- растущего технологического прогресса, зависимости и повсеместной распространенности,
- надвигающейся экологической катастрофы/катастроф, и
- транснационального драйва и распространения постпривычных актантов*».

Когда в 2010 году уличный торговец с лотка поджег себя в Тунисе, мало кто мог предвидеть последствия этого события. В эпоху крайнего постраннения Мохаммед Буазизи является типичным примером постпривычного актанта. Благодаря сетевым СМИ протесты на Ближнем Востоке и в Северной Африке распространились со скоростью лесного

* *Актант* (фр. *actant* — «действующий») — общепринятое наименование участника, члена сообщества, человека, принадлежащего к определенному кругу общественности. В литературоведении и фольклористике — персонаж литературного или фольклорного произведения как субъекта изображаемого действия (акции), стимул развертывания событий, составляющих сюжет.

пожара. Как мы можем продумывать подобного рода изменения? Какие концептуальные линзы могут помочь разобраться в том, что кажется неправдоподобным? Насколько окружающее нас постраanneет?

Появление концепции экосистемы во многом способствовало дальнейшему систематическому анализу деятельности человека в биосфере. Однако на рубеже веков многие мыслители уже стали делать громогласные заявления о роли и возможных последствиях антропогенных изменений в жизнедеятельности планеты. Это означает, что некоторые исследователи теоретизировали мир как единую систему, которая все больше и больше пытается справиться с крайностями регулирования, осуществляемого человеком.

Так много вещей, которые мы считали само собой разумеющимися, «привычными», теперь стали чрезвычайными, а поэтому нелегко передать все варианты экстраординарного поведения одним термином. Наши технологии стали экстремальными, современность приобрела экстремальные коннотации, наша экономическая система экстремальна, корпоративное поведение — экстремально, и почти все идеологии превратились в экстремальные.

Невероятное пострanneение, вызванное изменением климата, заставляло некоторых задуматься о радикальных «решениях». В то время как некоторые считают, что единственным способом, благодаря которому человечество может избавиться от крайних странностей, являются инициативы по изменению климата, другие обращаются к рассмотрению более ограниченных «средств защиты». Утверждая, что «биомедицинская модификация человека» должна обсуждаться в свете грядущих невероятных пострanneений, ряд авторов предполагают, что усиление чувства эмпатии, развитие фармакологической непереносимости углеродоемких продуктов, таких как красное мясо, и создание более низкорослых людей — более разумные и менее рискованные меры, по сравнению с крупномасштабными инициативами климатической инженерии [1].

В мире, охваченном чрезвычайным пострanneением, людям, возможно, придется беспокоиться не только о новых угрозах, но и об опасностях из прошлого, которые, как ожидается, снова появятся, когда глобальная климатическая система превратится в постпривычную. Эта динамика наиболее очевидна в тундре, где вечная мерзлота таит в себе отсветы грядущих кошмаров. Ученые допускают возможность того, что «опасные вирусы, в состоянии анабиоза, действительно скрываются глубоко под землей», поскольку доисторическая вечная мерзлота создает условия сохранности инфекций. Хотя такого рода сценарий звучит как научная фантастика, нельзя недооценивать эффект чрезвычайного пострanneения. Это то, чему нас может научить эпоха невообразимого пострanneения: *немысленное* становится все более неизбежным.

Литература

1. Dyer, G. (2011) *Climate Wars: The Fight for Survival as the World Overheats*. Oxford: Oneworld Publications.

Отношения Восток — Запад в постпривычное время

Зияуддин Сардар

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный господень суд [1].*

Идеи завоевывают намного бóльшую территорию и пользуются бóльшим авторитетом, чем все армии королевы-императрицы, восхваляемые Киплингом. Несмотря на свидетельства истории, политики, экономики и культуры, упрощенное суждение Киплинга по-прежнему остается предпочтительным подходом к пониманию мира.

Но все началось не со слов Киплинга. Восток и Запад различны. Эти различия существенны и имеют непреходящее значение. Проблема возникает из-за того, что разница воспринимается как непреодолимый барьер: «и с мест они не сойдут». То, что кодируется этой отрицательной оценкой, является основой страха, сомнения по отношению к Другому, чувством постоянной незащищенности и предубежденностью. Восток, несмотря на всю его сложность, по-прежнему рассматривается Западом как источник «страшилок» и злодеев.

Но сегодня настало время побороть эту пагубную бинарную логику. Границы и разделительные линии Востока и Запада не только изменились, но стали размытыми и плохо различимыми. Запад несет в себе столько же Востока, сколько Восток Запада. Сила идей, которые породили западный империализм, жива и продолжает здравствовать, и управляет Востоком внутри себя, сама по себе.

Поиск исходного злоумышленника и указание вины представляет собой способ продолжить игру, характерную для непримиримой оппозиции, в которой главенствуют подозрительность, военная готовность, манипулирование общественным мнением, двойные стандарты и пренебрежение насущными человеческими потребностями. Восток был причастен к увековечиванию этоса бинарных оппозиций. Вполне достаточно осудить Запад за совершенные им действия. Восток есть Восток, а Запад есть Запад.

Любая попытка уйти от бинарных противопоставлений должна учитывать наличие добра как на Востоке, так и на Западе, а также присутствие зла у обеих сторон. Только признав, что у всех «рыльце в пушку», можно согласиться с необходимостью найти новые способы очиститься от собственных недостатков.

Необходимость сближения Востока и Запада выглядит еще более настоятельной, если учесть поистине глобальный характер многих проблем, которые нас преследуют. Ни одну из этих проблем отдельно взятое государство не в состоянии «уладить», а проблемы эти влияют на каждого

человека на планете. Первые десятилетия XXI века со всей очевидностью показали, что мы живем в постпривычное время.

Восток и Запад нуждаются в новых методологиях решения проблем постпривычного времени. Разнообразие и множественность необходимы как для понимания комплексности, так и для работы с ней. Хаос учит нас, что индивидуальная и социальная ответственность и подотчетность имеют первостепенное значение для нашего коллективного выживания. В постпривычное время мир действительно может быть разрушен действиями всего нескольких человек.

Постпривычное время выдвинуло на передний план определенные виды противоречий. Мы вынуждены обсуждать будущее в состоянии постоянной неопределенности, и если не в полном неведении, то, по крайней мере, с частичным или недостаточным знанием. Это означает, что нам нужно отложить в сторону наши разногласия по поводу несовместимости Востока и Запада и управлять противоречиями и комплексностью посредством оговоренного консенсусного диалога, в котором всем участникам предоставляется равный голос. Для разрешения противоречий или комплексных проблем нельзя применять никакие средства насилия. Смирение, скромность, подотчетность, ответственность, разнообразие и диалог — это не дополнительные добродетели, а необходимые качества для выживания в постпривычное время.

В постпривычное время нет места упрощенному суждению Киплинга. Восток и Запад должны объединиться и использовать то лучшее, что могут предложить их традиции, история и социум, чтобы выжить в наше беспокойное время и сохранить при этом здравый смысл и человечность. Чтобы выйти из тупика, в который нас загнали трудности настоящего момента, нам нужны новые вопросы и новые идеи, которые подведут нас к новым более правильным ответам.

Литература

1. Киплинг, Р. Утренняя песнь в джунглях: [Стихотворения]: [Пер. с англ.]. М.: Летопись-М, 1999. 380, [1] с. URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/liter/2002-4-1.shtml> (дата обращения: 17.08.2020).

Противоречия Европейского союза

Джорди Серра

Призрак бродит по Европейскому союзу (ЕС), призрак его собственных противоречий. Согласно этим противоречиям, ЕС превращается в поистине постпривычный институт. Противоречия являются продуктом экономической политики ЕС, той главной движущей силы, которая сформировала Союз. Однако именно его политические, социальные и даже культурные аспекты обеспечат значимость ЕС в будущем.

Эволюция ЕС включала в себя разработку множества договоров. К 2001 году стало ясно, что Союзу нужно сделать качественно новый шаг вперед — разработать европейскую конституцию. Ее цель заключалась в унификации разнопланового законодательства и придании ему политического импульса. Но факт в том, что то, что должно было стать основой действительно надгосударственного образования, стало проектом клуба, членами которого могли быть только государства.

Европейская конституция стала первым противоречием, подрывающим стабильность ЕС: Союз не справляется с ролью международного органа и заходит слишком далеко в своих действиях как клуб государств. Откровенно говоря, ЕС зачастую не в состоянии развернуть совместные политические действия из-за нехватки сил, но у государств также часто нет достаточного влияния для защиты своих конкретных интересов. В результате многие стратегии недостаточно амбициозны, чтобы решать серьезные проблемы, затрагивающие Европу.

Тем не менее ЕС рассматривался как пример успешного международного управления, по крайней мере, до кризиса 2008 года. Специфика данного кризиса была в том, что он носил системный и глобальный характер. В целом финансовый кризис стал для ЕС как вызовом, так и возможностью. Но вызов оказался непринятым, а возможность была упущена. Европейские институты ввели меры жесткой экономии, на которую они положились с верой новообращенных, и призвали население континента принять их без лишних вопросов, иначе все будут обречены.

Парадоксально, но резкое сокращение бюджета выглядит наиболее последовательным решением, учитывая ограниченные возможности европейской структуры. Евро был разработан в 1995 году, принят в 1999 году и превратился в монеты и банкноты, которые вошли в обращение в 2002 году. Он олицетворял политический толчок к достижению более высокого уровня интеграции: общая валюта для более сильного Союза. Но евро также стало метафорой недостатка политической воли. Евро был и продолжает оставаться недостаточным инструментом для выработки совместной экономической политики, а без совместной политики он обречен.

Таким образом, евро страдает двумя серьезными недостатками. Во-первых, он представляет собой общую валюту для стран с сильно различающимися экономическими условиями и динамикой. Во-вторых, он управляется учреждением, а именно Европейским центральным банком (ЕЦБ), полностью не зависящим от государственного контроля. ЕЦБ смог предложить дешевые деньги европейским частным банкам только в надежде, что эти банки помогут своим национальным государствам. В конечном счете жесткая экономическая политика была скорее попыткой обеспечить сомнительную моральную основу для сокращения бюджета, чем реальным экономическим аргументом.

Одержимость экономией привела к возникновению второго противоречия: капитал ставится выше людей. ЕС вложил миллионы в программу по обеспечению жизнеспособности финансовых систем, но очень

немногие из них кредитуют предприятия, находящиеся в затруднительном положении, и физических лиц, нуждающихся в ипотеке. При этом давайте не будем забывать, что источником такого финансирования являются общественные деньги, деньги, поступающие от налогообложения граждан и в конечном счете из карманов каждого члена Евросоюза. Рациональное обоснование, данное таким действиям, заключалось в том, что падение банков может иметь системный эффект, который усугубит кризис и расширит его последствия.

Результатом попыток ЕС справиться с финансовым кризисом стали глубокие разломы внутри его границ, породившие еще больше противоречий. В настоящее время внутри Евросоюза наблюдается раскол среди его граждан: те, кто живет в спасенных странах, против тех, кто спасает. Серьезное разделение внутри отдельной страны происходит между теми, у кого все хорошо, и теми, у кого все плохо. Все больше и больше европейцев приходят к выводу, что их дети и внуки могут никогда не достичь того уровня благосостояния, которым они наслаждаются сейчас. В глобальном масштабе оказанная финансовая поддержка указала на хрупкость структуры Европейского союза. Однако внутри самого Союза финансовая помощь укрепила представление о том, что ЕС предпочитает экономическую стабильность демократической легитимности.

Евросоюз должен принять судьбоносное решение. Что является целью его существования: объединить своих граждан, способствовать перемещению людей и рабочей силы между европейскими государствами, сблизить народы Европы, прославить их интеллектуальную и культурную историю или обогатить банкиров и финансовые учреждения? По крайней мере, Европейское сообщество должно определиться, чем оно является:

- Рынком?
- Валютой?
- Незавершенным проектом по надгосударственному управлению?
- Или всем вместе взятым?

От ответа зависит будущее ЕС и уместность его дальнейшего существования в постпривычное время.

Хочу отметить, что ограничение ЕС только экономическим измерением и предоставление экономической логике права диктовать, как Союзу функционировать, является большой ошибкой. Европа всегда представляла собой мозаичное панно, состоящее из различных территорий, народов, культур и всевозможных пристрастий. Ее действия никогда не отличались гармоничностью, и любая попытка воображения представить эту часть света как однородную единицу потерпит крах. Но даже когда Европу заставляют работать как экономическую единицу, ее экономические характеристики на самом деле не отражают реальную сущность ЕС. Настоящая причина сплоченности данного союза заключается в другом.

На ум приходят два примера: права человека и защита окружающей среды. Если мы рассмотрим нормативный корпус ЕС, так называемые «Правила Сообщества», мы можем признать, что это выдающийся сборник прав, который принадлежит, возможно, самому демократическому

региону мира. Евросоюз разработал одно из самых передовых законодательств по вопросам окружающей среды. Отчеты Европейской комиссии по вопросам здравоохранения, образования, гендерного равенства, условиям труда и правам меньшинств побудили некоторые государства пересмотреть свои законодательства по данной тематике, чтобы соответствовать принципам ЕС.

На мой взгляд, большинство граждан ЕС понимают, что возможности переломного момента были упущены. Европейские выборы 2014 года были первой ласточкой. С ростом числа крайне правых партий в Европарламенте там собрался самый высокий процент антисоюзных представителей за всю его историю. Для правых (и крайне правых) партий решение проблем заключается в ослаблении ЕС, для других единственно логической альтернативой является прямая противоположность: усиление ЕС.

Тем не менее события 2015 года показали, что обе стороны и правы, и неправы. Миллионы беженцев из Сирии и других стран начали прибывать в Европу. Поначалу не многие страны Евросоюза открыто отвергали принимать их. Но по мере роста числа прибывших росли и возражения. С тех пор урегулирование этого гуманитарного кризиса стало причиной позора для многих европейцев. Сегодня очень немногие считают, что ЕС служит их интересам и потребностям, поэтому неудивительно, что большинство рассматривает для себя возможность выхода из Союза.

Вариантов дальнейшей истории на сегодня несколько: либо ЕС приходит к своему цивилизованному и достойному концу, либо преодолевает внутренние противоречия и переходит в постпривычное время с полным пониманием и должным предвидением. Во-первых, необходимо повысить осведомленность людей о важности регионального изменения во все более взаимосвязанном, комплексном и хаотическом мире. Во-вторых, ЕС нуждается в новом формате, подходящем для постпривычного времени, который учитывал бы как экономическое благополучие всего его населения, так и его структуру управления. В-третьих, Европейский союз остро нуждается в новом руководстве. Чтобы выжить в будущем, ЕС необходимо новое поколение этически ориентированных лидеров, способных преодолевать постпривычное время.

Постпривычная Америка в кино

С. Скотт Джордан

В периоды ключевых преобразований американское кино использовало Другого, чтобы идентифицировать себя. В довоенной классике использовались персонажи афроамериканского происхождения. Кинематограф после Второй мировой войны преследовал призрак коммунизма. Образы ориентализма вошли в моду в 1960–1970-е годы, еще до того, как «арабский террорист» воплотил в себе киноугрозу [1]. За последнее

десятилетие произошел некоторый сдвиг. Страх перед Другим уступил место страхам, порожденным угрозами нашего времени: страху в отношении изменения климата [2], панике по поводу финансового кризиса, тревоге, вызванной интернетом и опасением, связанным с автоматизацией, искусственным интеллектом и клонированием. Учитывая дух времени, неудивительно, что современный кинематограф подступил к постпривычному времени.

Я хотел бы обсудить два фильма, в которых, как мне кажется, отражается постпривычная Америка: «Американский снайпер» Клинта Иствуда (2014) и «Выживший» Алехандро Гонсалеса Иньярриту (2015). При поверхностном просмотре они имеют мало или не имеют никакого отношения к постпривычному времени. Но мы можем вычленить в них метафоры [3], которые проливают яркий свет на тревоги Америки, ее невежественные страхи и опасения, связанные с неопределенностью.

Фильм «Американский снайпер» рассказывает историю покойного снайпера спецподразделения «морских котиков» Криса Кайла, человека, который прославился убийствами людей. Американский герой. Фильм Клинта Иствуда берет данный трагический американский сплав и превращает историю этого человека в сюрреалистическую метафору постпривычной Америки. Большая часть фильма передает вам очень знакомые ощущения типичного антиутопического военного фильма американской войны, развернувшейся после событий 11 сентября. В завершение Кайл остоается, по меньшей мере, метафорой для доброго старого американского общества, его флагманом.

Это метафора того, во что превратились Соединенные Штаты с момента достижения ими глобального господства, оставив аудитории выбор в отношении траектории будущего курса. Кайл любит Техас, он любит оружие и хочет быть ковбоем. Более важным является то, что он обладает классическим американским противоестественным чувством справедливости. Используемая метафора напоминает бесчисленное множество других пустых метафор, существующих в сознании радикальных американских реалистов. В фильме Кайл воспринимает новостной репортаж о взрывах в посольстве США в Кении в 1998 году, как если бы он видел своего младшего брата, избиваемого хулиганами. Общество, столь склонное к фундаменталистскому индивидуализму, внезапно начинает воспринимать чужаков только тогда, когда те привязаны к нему эпитетом «американское».

Новостной комментарий пропитан первозданным страхом и глубинной неуверенностью в отношении нового врага; а затем происходят события 11 сентября. Коммунист, японец, немец — все обладают отличительными характеристиками, которые легко можно вывести в карикатурном свете, но теперь они поглощены тенью. Враг — призрак, почти нечеловеческое существо. Поэтому Америка также должна потерять свое человеческое лицо. Мы наблюдаем за спецтренировками Кайла, которые, как ожидается, явят нам его человеческую сущность, но вместо этого процесс

больше похож на отрегулированное онлайн-обучение. А потом реальность возвращается в свои привычные рамки.

На первый взгляд кажется, что у Кайла есть все: идеальная невеста, ребенок на подходе — настоящая «американская мечта», но мы узнаем, что стрельба в компьютерных играх или по стендовым мишеням не готовит к убийству живых людей. Америка наблюдает за миром через мощный прицел и служит щитом, в котором нуждается мир. С самим термином «герой» обращаются как с футбольным мячом на поле, подавая его туда и сюда, трансформируя на глазах у зрителей. Крис Кайл — наш герой. Все ясно показанные ценностные противоречия Кайла тянут его в глубокую неопределенность постпривычного времени. В результате получается самоотстранившийся герой донкихотского типа, за которого аудитория постоянно переживает, надеясь то на его победу, то на поражение.

Но мир уже не так прост. Герой постпривычного времени не может просто победить плохого парня или обезвредить бомбу. Герой постпривычного времени — прежде всего штурман. Постпривычный герой сталкивается с необходимостью взять наши старые концепции, подвергнуть их испытанию и потребовать перевоспитать самих себя, в противном случае мы обречены пасть от рук истинного врага — нас самих.

Первые из данных героев почти наверняка обречены стать трагическими личностями, поскольку незнание постпривычного времени будет таить в себе смертельные испытания. Одни признают комплексность и противоречия, царящие вокруг нас, другие будут стремиться преодолеть их, а третьих они убьют. Этих персонажей поглотит окружающая их неопределенность, а их возможности ограничены тем, как они справляются с собственным невежеством.

Совершенно бессознательно фильм изображает основные дилеммы, внутренние противоречия и глубокое невежество Америки в постпривычное время. Я живу в той Америке, где оружия больше, чем людей, стрельба в университетских городках — норма, а экспорт войны называется внешней политикой. Фильм «Американский снайпер» — зеркало, показывающее наше полусвободное мышление, толкающее к постоянно-му насилию.

Постпривычное время беспокойно и неудобно. Намек на то, как Америка может примириться с ним, дается в фильме Иньярриту «Выживший». Режиссер предлагает нам свой опыт навигации по этим тревожным временам.

Чтобы настроить нас на предстоящее путешествие, фильм открывается кадрами бегущей воды, ключевого элемента жизни. Отец и сын. Гласс и Хоук. Затем нечто, скажем так, не от мира сего — их пистолеты. Олень с бесчисленными ответвлениями рогов: дерево жизни стало плотью. БАХ! Неестественный звук запускает наше путешествие. Рядом мы видим стоянку людей, живущих на природе. Наступление утра прервано оружейным выстрелом. Джон Фицджеральд выражает капитану Эндрю Генри, авторитетной фигуре, обеспокоенность по поводу неестественного шума. Зловещий Другой притаился повсюду.

По сути, эта история — отцовский путеводитель по постпривычному времени. Роль Гласса как отца довольно сложна. Простая метафора заключается в том, что Гласс, следуя ложному американскому политическому взгляду, ведет поверженный нецивилизованный мир к процветанию. Гласс не в состоянии увидеть свет в конце туннеля этого путешествия. Он просто пытается доставить людей в безопасное место, в ближайший форт. Он вынужден стать отцом этой группе «белых», надеющихся только на него в спасении от повсеместной опасности нового нападения со стороны племени арикара. Квест имеет высокую вероятность провала, даже если добраться до форта. И что тогда?

Точно так же и Фицджеральд — своего рода отец. Назовем его отцом невежества и постпривычного отставания. Фицджеральд принимает молодого Бриджера как своего сына, развращая его старыми парадигмами, которые медленно рушатся в конце эпохи. Его философия заключается в том, что каждый сам за себя, страдания совершенно не нужны, а ложь оправдана. Все это рухнет перед лицом неопределенности.

Капитан Генри — ложный отец. Такого отцовства мы требуем от наших правительств и различных членских организаций. Трагедия заключается в том, что они находятся во власти экспертов и общественного мнения, и их ждет ужасающая участь погрузиться в хаос и неизбежные противоречия. Генри не может спасти своих детей, своих людей. Вождь племени арикара представляет собой своего рода антитезу капитану Генри. Он, а следовательно, и его племя, заинтересован найти свою дочь. Он остается верен своей идентичности, но пользуется преимуществами мощи оружия белых людей и знания их языка. Его вызов невежеству превращается в возможность для всех лжеотцов перед лицом завтрашней неопределенности.

Фильм представляет собой историю слияния этих различных приемов отцовства и предлагает нам интересный эксперимент в постпривычное время. Это сближение происходит в результате противостояния, наиболее заметным из которых является столкновение Гласса с Отцом-гризли или в данном случае с матерью-медведицей.

Представление моего собственного отца о медведях сформировалось под сильным влиянием событий времен холодной войны. Советы. Красный. За время моей собственной жизни медведи из милого мультипликационного героя превратились в силу природы. Я вырос с Винни Пухом, Медведем Йоги и Балу. Затем наступила очередь «Человека-гризли» Вернера Херцога (2005). Этот документальный фильм был наполнен духом спасения природы и уважения к ее красоте, но он преподавал нам и ценный урок. Природа дикая, и все, кто попадает на ее территорию, должны подчиняться ее правилам. Медведь — король американских джунглей. Так почему бы не позволить ему стать настоящим отцом в фильме Иньярриту?

Трагедия этого фильма в том, что конфликт разгорается между отцами. Подобно пикнику для отца и сына, победа в этом соревновании не зависит от того, кто любит больше, у кого больше отцовского мастер-

ства или какого-либо другого чувства романтизированной родительской связи. Гласс, Фицджеральд, Генри, вождь индейцев и медведь — герои этой истории. Конвергенция этих персонажей происходит только в результате невежества, присущего всем им, и из-за их подхода к неопределенному будущему.

Один из заключительных кадров фильма вновь оставляет нас наедине с бегущей водой, мчащейся через пейзаж тундры, но теперь массивное пятно крови расплывается по берегу. Ветер, вода и свежий снег вернут ему красоту начала фильма. Такова ставка постпривычного времени. Истина не просто эмпирична, она требует от разума подняться на второй уровень в размышлении. Дыхание невежества будет подавлено ветром природы.

Как Америка будет дышать в постпривычное время?

Литература

1. См.: Berstein, M., and Studlar, G. (eds.) (1997) *Visions of the East: Orientalism on Film*. London: I B Tauris; Sardar, Z. (1990) *Orientalism*. Buckingham: Open University Press.
2. E Ann Kaplan (2015) *Climate Trauma: Foreseeing the Future in Dystopian Film and Fiction*. Rutgers University Press.
3. Whittock, T. (1990) *Metaphor and Film*. Cambridge University Press.

Постпривычное правление

Джорди Серра

Модерн стал ответом на запрос о новом виде власти, которому требовался новый легитимный источник, порвавший со средневековыми традициями и структурами. Но допущение о том, что мир монолитен и имеет единый источник правящей силы, больше не является действительным в многополярном, многокультурном мире. Модерн переживает кризис, и его преемник постмодернизм просто оказался «новым империализмом западной культуры» [1].

Общепринятые способы управления опасно устаревают, общество находится в состоянии полного замешательства. В результате большинство людей потеряло всякий интерес к политике. Дух времени представляет собой переплетение неуверенности и беспокойства, вызванных нашей неспособностью понять, что происходит. Правда и факты теряют свою ценность. Популизм — естественный результат постпривычного времени. Политические события происходят и распространяются такими темпами, что мы с трудом за ними поспеваем.

Рассмотрим случай Украины. Все началось с демонстраций в Киеве против властей. Правительство под руководством президента Виктора Януковича действительно было коррумпированным, но оно было

избрано демократическим путем. Главным преступлением Януковича было то, что он хотел присоединить Украину к России. Запад предпочел, чтобы он вместо этого вошел в НАТО. Вскоре вооруженные протестующие в Киеве захватили правительственные здания и потребовали смены правительства и конституции. Когда парламент проголосовал за отставку Януковича, он бежал в Россию, и не менее коррумпированная экс-премьер-министр Юлия Тимошенко была освобождена из тюрьмы, чтобы выступить перед демонстрантами.

Примерно десять лет назад на этом, вероятно, все бы и закончилось. Западные державы создали бы в Украине правительство по своему усмотрению, как они это делали во многих других странах. Однако общепризнанное традиционное распределение власти и иерархии интересов необоснованно. Реальность того, что власть действительно изменилась, трудно понять, не говоря уже о том, чтобы принять это.

Обратите внимание на комплексность и вытекающие из нее противоречия в украинском деле. На карту поставлены не только интересы двух конкурирующих держав: в Украине проживает 120 различных национальных меньшинств, и у каждого есть свои обоснованные и необоснованные требования. Противоречия были абсолютно очевидны. Запад ставил свои интересы превыше всего, а интересам России не придавали значения. Смена демократически избранного президента была полностью неконституционной и недемократической. Демократические требования киевской толпы рассматривались как законные; а демократические требования толпы в Крыму, где проводился референдум, были признаны «незаконными». Наши фашисты, которые являются неотъемлемой частью нового правительства в Киеве, добрые; их фашисты — расистские звери.

Если зажечь сенсорную бумагу в постпривычном мире, то вы обожжетесь так же сильно, как и намеченный объект. Это хорошо видно на примере Египта. Первые демонстрации против правительства Мурси были организованы через Facebook и быстро переросли в хаотическое явление, которое привело к свержению режима. Египетские военные воспользовались хаосом, а секуляристы сыграли им на руку. Конечный результат: законное, демократически избранное правительство, хотя и автократичное, было заменено военным правлением. «Переворот» не был переворотом на самом деле. Отнюдь не продвинув Египет к большей демократии, секуляристы превратили страну в ужасающее полицейское государство.

Или рассмотрим постпривычное положение Испании. За «золотым периодом» для сектора недвижимости последовал взрыв жилищного мыльного пузыря, что привело к хаотичному коллапсу. Испания обратилась за помощью к Европейскому союзу, чтобы подлатать свою банковскую систему. Испании пришлось пережить серьезные урезания бюджета и некоторые структурные реформы, которые привели к резкому сокращению расходов на систему социального обеспечения в стране. Уровень безработицы в Испании вырос более чем на 20%, в результате чего за этот период безработными стали не менее пяти миллионов человек. На протяжении ряда лет испанская политика прекратила свое раз-

витие из-за безвыходного положения по всем направлениям. Возникший тупик парализовал Испанию на несколько лет.

Найденное решение вернуло Испании статус-кво, дав ей переходное правительство. Население заинтересовано только в получении прибыли за счет общества. Консервативное правительство Роя победило на выборах 2010 года. Однако это консервативное правительство в конечном итоге сделало прямо противоположное тому, что обещало: оно не только не снизило, но повысило налоги, а безработица не только не уменьшилась, но произошло ее резкое увеличение. Однако не экономика была главной проблемой. Ею стала Каталония. Каталония хотела отделиться от Испании и стать независимым государством.

Итак, что же сделало испанское консервативное правительство, как действующее, так и предыдущее, для решения этих проблем?

Во-первых, оно наделило католическую церковь правом выносить решения по ряду социальных вопросов. Во-вторых, оно урезало или просто отменило многие демократические права. Право на демонстрации было ограничено так называемым «Законом-кляпом». Стратегическая цель заключается в том, чтобы превратить уличные митинги и демонстрации в административные нарушения [2]. В-третьих, законодательство в Испании построили таким образом, что ипотека стала не совсем ипотекой, а личным кредитом с реальными, то есть жилищными, гарантиями. В этом случае потеря имущества влечет за собой прекращение кредита только в том случае, если вырученная от продажи сумма покрывает весь размер кредита. В противном случае прежние владельцы все равно будут должны оставшуюся часть заемных денег. Было подсчитано, что к 2015 году более 100 000 семей были выселены из своих домов. Настоящая трагедия состоит в том, что большинство из этих людей не имеют работы и до сих пор должны банкам огромные деньги.

Регулирующие установки строятся на общепринятой прямолинейной причинно-следственной связи. В наши дни феномены являются результатом сложных связей между причиной и следствием, в которых перемешаны многие казуальные факторы. Поэтому воздействие лишь на один элемент не только бесполезно, но часто и весьма опасно. Политическая деятельность должна сделать качественный рывок, чтобы начать играть значимую роль в постпривычное время.

На самом деле мы не знаем, как формировать жизнеспособную политику для постпривычного времени. Но есть три основных принципа, которыми мы можем руководствоваться. Во-первых, необходимо признать, что никто не контролирует ситуацию. Поэтому разработка политических установок должна учитывать и включать множество различных точек зрения, а также конкурирующих и даже противоречащих друг другу интересов. Во-вторых, мы должны понимать, что для комплексной среды управляющий механизм сам по себе должен быть комплексным. Чтобы демократии выжили, в основе управления должны быть множественность и разнообразие. В-третьих, достойная политика должна учитывать влияние положительной обратной связи. Как мы собираемся

справиться с множеством непредвиденных последствий? Как мы собираемся преодолевать хаотические потрясения? Хотя мы не можем предсказать результат политических действий, мы должны иметь некоторое представление об их потенциальных последствиях.

Ответом на постпривычные проблемы является стремление понять и принять динамику постпривычного времени и соответствующие действия.

Литература

1. Sardar, Z. (1998) *Postmodernism and the Other*. London: Pluto.
2. Kassam, A. (2015) Journalists take fight against Spanish 'gag law' to European court. *The Guardian*, December 15. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/dec/15/journaliststake-fight-against-spanish-gag-law-to-european-court> (Accessed: October 3, 2016).

Постпривычная Япония

С. Скотт Джордан

В Японии нет ничего «привычного». Страна десятилетиями сталкивается с внутренним хаосом, неопределенностью и противоречиями. Движение к постпривычному времени, поспешно превратившееся в его поддержку, было не уничтожением традиции, а, скорее, систематическим избавлением от классических элементов общества. Экстраполяция японской политики и действий показывает, как на практике страна прошла через постпривычное время.

То, как развивалась система ориентирования [в постпривычном времени], дает необходимое понимание идеи перемен. В прошлом изменения представляли собой концепцию, за которой пристально следили государства, прикладывая усилия для поддержания контроля и порядка. Японская Республика, в настоящее время не имеющая национального девиза, двигаясь в завтрашний день, смело облеклась в КХП постпривычного времени: комплексность, хаос и противоречия.

Чтобы понять, почему Япония лучше всех адаптировалась к постпривычному времени, необходимо сначала увидеть в исторической перспективе, как эта страна справлялась с КХТ.

Комплексность можно проиллюстрировать на примере кубика Рубика. На первый взгляд, когда все маленькие цветные квадратики перемешаны, кубик кажется довольно сложной вещью. Тем не менее существует шаблон, благодаря которому можно собрать кубик, выстроив каждую из его шести граней в сплошном цвете. На самом деле кубик Рубика не такой уж сложный, а довольно простой предмет. А теперь давайте немного изменим правила. Во-первых, представим, что вы — дальтоник, во-вторых, при каждом сделанном вами повороте кубика выполняется еще один автоматический и случайный сдвиг.

Комплексность отнюдь не чужда японскому обществу. Жизнь и структура общества в Японии пронизаны жесткими правилами, подразумевающими иерархию, лояльность, уважение и ритуалы. История Японии — это скорее история слияния нового, внешнего, с местным и коренным, чтобы создать что-то новое, сохранив при этом свои традиционные ценности.

Всегда новое, но всегда полностью японское. Образование по-прежнему имеет первостепенное значение, но в учебную программу добавляются новые концепции, и учащиеся получают образование, составляющие которого пришли из-за границы. Абсолютное правление императора дополняется очень западным парламентом, но этот парламент практикует ритуальное уважение наряду с идеей демократии. В конечном итоге все элементы военизированного общества вытесняются, но только для того, чтобы спустя годы превратиться в армию, преданную «миру и безопасности всего человечества».

Японцы постепенно стали воплощать в себе органический синтез Востока и Запада. А теперь давайте добавим дополнительный уровень к нашему *уже* ставшему сложным кубику Рубика. При каждом повороте кубика, который вы делаете, случайным образом изменяется один из девяти квадратиков на каждой грани. Теперь хаос берет бразды правления в этом постпривычном путешествии, и малейшие изменения приводят к радикальным результатам.

Хаос в Японии в значительной степени проявляется в ее борьбе за власть. Объект власти и те, кто к нему стремился, дали толчок бурной милитаризации, закончившейся окончательной потерей власти. Послевоенная Япония находилась под сильным влиянием иностранных идей, и такие воспринятые идеалы, как эффективность и развитие, серьезным образом контролировали японскую политику. Совсем недавно была выявлена тесная связь между экономическим господством и экономической катастрофой, технологическим лидерством и разрушением окружающей среды, а также гармоничным миром и враждебной безопасностью.

А теперь вернемся к нашему кубику Рубика. На каждый ваш поворот делается другой случайный поворот, и случайный квадратик может менять свой цвет с каждым вашим новым движением. Случайное изменение цвета маленьких квадратиков позволяет кубу, например, сохранять десять квадратиков красными. Это противоречие мешает достижению цели игры.

Противоречия наблюдаются в послевоенном парламенте и призваны стать одним из величайших достижений демократии. Хотя в стране было много оппозиционных партий, только одна, либерально-демократическая партия (ЛДП), была явно правящей. В настоящее время ведутся дискуссии о противоречии между безопасностью государства и строгим мандатом, изложенным в статье 9 Конституции Японии, запрещающей формирование и содержание постоянной армии.

Даже в деловом мире подход Японии к капитализму кажется западным бизнес-профессионалам противоречивым. Капитализм подпитывается

конкуренцией. Японская традиция не считает соревнование добродетелью. Монополия для японцев — не ругательство: если один бизнес начинает контролировать определенный рынок, японцы относятся к этому с уважением, поэтому другие компании ищут себе другие рынки. Внутренняя конкуренция практически отсутствует. Вместо этого японские компании конкурируют на мировом рынке с другими корпорациями в глобальном масштабе.

Три компонента японского навигационного плана движения [в постпривычном пространстве] предоставляют важные знания о постпривычном времени.

Первый — простой, касается японского парламента. То, что начиналось как Совет мудрецов при императоре, превратилось в собрание ученых, обладающих чувством гражданского долга и борющихся за сохранение глубоко укоренившегося японского ритуала. Сегодня это правящий многоголосый орган. В то время как другие законодательные органы, как правило, состоят из двух противоборствующих сторон, парламент Японии был реформирован таким образом, чтобы обеспечить максимальное представительство различных голосов японцев.

Второй элемент японского движения через постпривычное время — глобальное сознание. Япония знает, что оно влияет как на то, что происходит вокруг, так и [глобальное сознание] подвержено влиянию того, что происходит в остальном мире. Само выживание японцев зависит от него.

Третий элемент — перспективное мышление. Звучит просто, но в попытке сбалансировать внутреннюю и внешнюю политики оказывается трудно выйти за рамки *расширенного настоящего*. Япония должна быть на несколько шагов впереди всех остальных в своей политике, чтобы выжить. Будучи нацией, не имеющей постоянной армии, в окружении соседей, которые быстро стали крупными военными державами, и существуя в условиях вновь нагнетаемой исторической напряженности, страна вынуждена отдавать приоритет построению мира во всем мире. Чтобы стать ведущей экономической державой, требуется нечто большее, чем простое понимание международных рынков и финансов.

По мере того, как феномен постпривычного времени становится все более очевидным, будет интересно наблюдать за тем, как японские руководители формируют свою государственную политику и приспособляются ко все более нестабильной мировой обстановке. Новый кубик Рубика невозможно собрать методом случайного подбора, но из этой процедуры можно многое узнать о себе и о том, как нам следует жить на этой планете.

ЖИЗНЬ И РАБОТА

Игра религиозных престолов

С. Скотт Джордан

У вас свое мнение, а у меня свое. Пока я не решил убить вас. Мы думаем, что живем в светскую эпоху, однако Бог везде. Власть над принятием решений передана Богу. Нам остается недоумевать, почему молодежь в огромных количествах присоединяется к христианским евангелическим движениям или переходит на сторону «Исламского государства Ирака и Аль-Шама» (ИГИЛ), а также подобных им радикальных религиозных экстремистских организаций, названия которых пестрят в газетных заголовках.

Мир, созданный Джорджем Р. Мартином в серии книг «Песнь льда и пламени» и ставший популярным благодаря телесериалу «Игра престолов» [1], с уважением представляет и исследует религию в том виде, в котором она существует в реальном мире. При этом автор делает тонкий намек на религиозные взаимоотношения в нашем собственном мире и возникающие при этом противоречия.

В эпизоде под названием «То, что мертво, умереть не может» Тирион Ланнистер, Десница короля Вестероса, сталкивается с загадкой. «Трое великих мужей сидят в комнате: король, священник и богач. Между ними расположен меч, который каждый может купить. И каждый муж предлагает свою цену за меч, чтобы убить двух других. Кто выживет? Кто умрет?» Варис, задающий вопрос, отвечает на молчание Тириона высказыванием, содержащим мудрый урок: «Власть находится там, где, по мнению людей, она находится. Она — уловка, тень на стене, и очень маленький человек может отбросить очень большую тень».

Варис объяснил постпривычное состояние Семи Королевств, а также дал нам важную пищу для размышления о религии в наше время. Произошло нечто странное: благодаря социальным сетям, круглосуточным новостным каналам и другим формам мгновенного общения маленькие люди теперь могут отбрасывать действительно большие глобальные тени.

Рассмотрим пример преподобного Фреда Фелпса и его последователей, известных как Баптистская церковь Вестборо (*Westboro Baptist Church*). Они известны своими экстравагантными протестами против похорон военнослужащих и представителей ЛГБТ-сообщества. Сообщалось, что на момент смерти Фелпса в его церкви было всего 40 членов [2]. При этом Фелпсу удалось привлечь большое внимание как в Америке, так и во всем мире и, таким образом, обрести огромную власть.

Пастор Терри Джонс из внеденоминационного Информационно-просветительского центра «Голубь мира» (*Dove World Outreach Center*) в Гейнсвилле, Флорида, служит нам еще одним примером. Он был одним

из тех многочисленных христиан, которые являются носителями анти-исламских настроений, и однажды он заявил, что собирается сжечь Коран [3]. В результате действий Джонса, у которого было не более двух десятков последователей, и скорости, с которой работают коммуникационные технологии, его намерения превратились в глобальный феномен. В конце концов, Джонс Коран не сжег, и неясно, было ли намерение совершить данный акт серьезным.

То, что мы наблюдаем, это не просто смена парадигмы, а фундаментальная перестройка того, что является привычной нормой, а что нет для религии. Деятельность экстремистов, ярых фанатиков, пуритан и приверженцев насилия, которые обычно существуют на периферии, расширилась: она стала глобальной по своим масштабам и размаху.

По иронии судьбы, пока мы постоянно сидим в виртуальных сообществах, реальные сообщества практически исчезают. Вместо того, чтобы разговаривать друг с другом лицом к лицу, люди все чаще предпочитают общаться с помощью текстовых сообщений, Facebook, Twitter и других социальных сетевых платформ. Молодые люди становятся все более разобщенными. В эпоху упразднения смысла они ищут его в своей отстраненной, неопределенной и неоднозначной жизни.

Недавние заголовки в СМИ поведали о том, что молодежь принимает сторону Исламского государства. Это явление характерно не только для угнетенных и замкнутых. Это глобальный феномен. И это особый продукт нашего постпривычного времени, когда дыра в форме Бога, образовавшаяся в сознании людей, может быть заполнена только чем-то впечатляющим. Анализ, проведенный Хансом Кюнгом [4], Талалом Асадом [5] и Карен Армстронг [6], предполагает, что религия часто выражается в убежденности наличия сверхъестественного. Другими словами, это не только вера в сверхъестественное, но и вера в свою уверенность, что ты обладаешь Абсолютной Истиной. Религия выходит за рамки веры и становится процессом принятия решений и неизбежно вступает в конфликт с другими процессами принятия решений, такими как политика, наука, государство и секуляризм. Итак, религия становится единственным источником уверенности для верующих. Атака на религию воспринимается как атака на самость, отказ от религиозных принципов воспринимается в обществе как потеря самости. А потерянное «я» — вещь опасная.

В постпривычное время данное явление будет множиться неимоверно. Оно превратится в цикл потерянного «я», делающего неприятное заявление, постоянно твитуемое в социальных сетях до тех пор, пока не преодолен трендовый порог и не потеряян контроль. Медийная платформа, разработанная для объединения людей, соединяет нас только для того, чтобы оттолкнуть друг от друга еще дальше, уничтожая по ходу наше «я».

В постпривычное время действия отдельных людей превращаются в сложную постановочную пьесу, состоящую из ложных стереотипов и вопиющего невежества. При этом сами люди могут существовать в изолированном коконе: открываясь только для взглядов, которые отражают их собственные, они одним щелчком мыши приобретают все нужные

навыки и оборудование, необходимые для реализации своих планов. Таким образом, вы существуете в *сфабрикованной нормальности*: создается пространство, дающее впечатление, что все верят, как вы, думают, как вы, ведут себя, как вы, и хотят быть такими же, как вы. А если вы верующий, то небольшой шаг отделяет вас от вывода, что на то воля Бога. Это то, что Бог хочет, чтобы вы делали.

Постпривычное время порождает чувство беспомощности у людей с религиозными и духовными наклонностями. В мире, где очень мало смысла, значения улетучиваются. Но наше стремление к смыслу увеличивается, и мы часто находим его везде, где ищем. А верования часто передают как идентичность, так и смысл. Эта безумная погоня за самоидентификацией не только не дает истинного чувства принадлежности и смысла, но на самом деле усиливает отчужденность.

Тем не менее никогда раньше не было такой большой потребности в людях и сообществах с подлинными религиозными и духовными ценностями. Для преодоления многих противоречий постпривычного времени требуются старомодные религиозные добродетели, такие как смирение, терпение, любовь, сострадание и готовность идти на компромисс. Я бы предположил, что цель религии должна состоять не столько в том, чтобы увековечить веру в сверхчеловека, сколько в том, чтобы проявлять любовь, сострадание и служить другим. Справиться с разнообразием и множественностью постпривычного времени можно, только признав, что вера других так же важна для них, как наша вера для нас. Прежде всего, религия должна противостоять невежеству всех типов и рассматривать неопределенность не как угрозу, а как возможность сформировать более привлекательные варианты будущего.

Прекрасный оптимизм отличает инициативу, распространившуюся в Дании и известную как «обними террориста», когда граждане, вместо того чтобы подвергать остракизму молодых людей, бежавших в Сирию, чтобы присоединиться к ИГИЛ, доброжелательно приветствуют их и помогают вновь адаптироваться в обществе [7].

Постпривычные времена придали 140 вымышленным героям не меньшую силу, чем любой цитате из религиозного текста по вашему выбору. Мы возвращаемся к загадке Вариса и задаемся вопросом, кто остается в живых, а кто умирает. И вынуждены спросить: где мы хотим видеть власть в будущем?

Литература

1. Martin, George R. R. (2012) *A Game of Thrones (A Song of Ice and Fire, Book 1)*. (New York: Harper Voyager, 2014); Home Box Office, New York.
2. Paulson, M. (2014) Fred Phelps, Anti-Gay Preacher Who Targeted Military Funerals, Dies at 84. *The New York Times*, March 20.
3. Harris, P., and Gallagher, P. (2011) Terry Jones defiant despite murders in Afghanistan over Qur'an burning. *The Guardian*, April 2.
4. Küng, H. (1988) *Theology for The Third Millenium: An Ecumenical View*. Trans. by Peter Heinegg. New York: Doubleday.
5. Asad, T. (1993) *Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, pp. 2–27.

6. Armstrong, K. (2006) *The Great Transformation: The Beginning of Our Religious Traditions*. New York: Random House, pp. 3–48.
7. Rosin, H. (2016) How A Danish Town Helped Young Muslims Turn Away From ISIS. *NPR*, July 15.

Перспективы исламского будущего в постпривычное время

Зияуддин Сардар

Прелюдия

Сегодняшний исламский дискурс по большей части можно обозначить как зону, свободную от размышлений о будущем. Будущее — тема, которая должна волновать каждого мусульманина. Тем не менее разговоры о будущем в мусульманских кругах явно отсутствуют.

Почему такое происходит? То, что практически нет научных работ о будущем ислама и мусульманских сообществ, которые можно было бы обсуждать, отнюдь не помогает делу. Есть книги, в названии которых встречается слово «будущее». Но термин «будущее» выступает как придаток; в этих работах нет признания того, что «будущее» — развитая и сложная область исследований и изучения.

В поисках книги, чье содержание соответствует названию, следует обратиться к работе Уилфрида Скауэна Бланта «Будущее ислама» [1]. Блант интересовался определенными трендами в мусульманских сообществах; они указывали на конкретное будущее. Блант иллюстрирует основные составляющие анализа, основанного на перспективах будущего. Речь идет о понимании изменений и скорости, с которой они происходят. Речь идет о понимании трендов и их экстраполяции, чтобы увидеть, какое будущее они могут сформировать. Речь также всего идет о разработке политики и совершении определенных действий в настоящем, которые способствуют достижению желаемого будущего [2]. Блант также иллюстрирует еще один ключевой момент: если мусульмане не будут думать и формировать собственное будущее, другие с радостью сделают это за них [3].

Единственный выход из нынешнего тупика — начать смело мыслить категориями долгосрочных перспектив будущего. Нам необходимо наметить путь к желаемому будущему, разобраться в способах управления и прогнозирования изменений и систематически работать для достижения желаемых целей. Больше всего нам нужны интеллектуальная смелость и воображение, чтобы представить себе то, что невозможно было до этого вообразить, разработать идеи, которые до сих пор считались еретическими или существовали лишь на периферии сознания, и предвидеть альтернативные пути того, что в ближайшие десятилетия и века может определить, что значит быть мусульманином.

Другими словами, нам нужно развивать яркое сознание, настроенное на будущее.

В поисках будущего

Что именно я подразумеваю под «сознанием, настроенным на будущее»? Я имею в виду понимание ускоряющихся изменений, осознание потенциальных возможностей и ловушек, маячащих на горизонте недалекого будущего, и стремление формировать желаемое будущее.

Думать о будущем непросто. Будущее неизвестно, и многие мусульманские течения относили его в значительной степени к сфере «Божьей воли». Трудность усугубляется тем фактом, что на самом деле будущего не существует: это всегда время, которое еще не наступило. Однако тот факт, что будущее не существует и не может существовать в действительности, не означает, что мы не можем изучать его, развивать идеи, образы и метафоры о нем, а также пытаться понять и сформировать его направленность. Будущее может быть иллюзорным и неопределенным, но это та сфера, над которой мы можем получить определенную власть.

Как мы можем активно формировать перспективы будущего одного или двух грядущих поколений мусульманских сообществ сегодня, на период ближайших 20–40 лет?

Нам необходимы два важных инструмента. Нам нужно иметь понимание, картину того, какое будущее нас ждет, если все будет продолжаться так, как есть. И нам нужен образ, видение альтернативных возможностей такого будущего, которое мы желаем и предпочитаем видеть. Оба варианта требуют применение творческого подхода и воображения, и для каждого типа существуют разные методы.

Определяя место прошлого

Наши варианты будущего также являются продуктом решений, принятых нашими предшественниками в прошлом. У всех обществ есть живая история, часто описываемая как традиции, которые формируют их идентичность. Будущее без идентичности — вообще не будущее. Однако не вся наша прошлая история имеет отношение к нашим перспективам будущего.

Задумайтесь также об идее того, что «ислам — совершенный образ жизни». Данное заявление утверждает, что все вопросы этики, морали, закона, управления, да и вообще всей человеческой жизни, уже были урегулированы на протяжении истории. Если бы так оно и было, то этическое и моральное развитие, развитие права и других важнейших областей человеческой мысли полностью остановилось бы.

Они (мы) ответственны за то, что мусульманские сообщества веками дрейфовали от одного нежелательного будущего к другому. Такое движение представляет собой наиболее серьезную угрозу для построения жизнеспособных и наиболее плодотворных вариантов будущего для нас самих.

Мусульманская история также изобилует концепциями, обладающими освободительным потенциалом, которые открывают множество

альтернатив для будущего. Возможно, самой активизирующей идеей, предполагающей постоянное взаимодействие с настоящим, а также с будущим, является *иджтихад*, обычно переводимый как «независимое суждение/размышление». Совершенно ясно, что размышление — это не то, что можно сделать раз и навсегда; именно оно часто приводит к инновациям. Речь идет о смелом и творческом размышлении о возможных, вероятных и желательных вариантах будущего.

Мы также можем видеть осознание будущего в жизни пророка Мухаммада. Например, он запретил рубку деревьев и охоту на диких животных в лесах вокруг городов, потому что они обеспечивают пропитание людям и животным и защищают города зеленым поясом. Хиджра была тщательно спланирована, а путь миграции систематически уточнялся в течение нескольких месяцев. Пророк ожидал восстания курайшитов против него. За несколько месяцев до Битвы у рва Пророк предвидел грядущий конфликт и приготовился защищать Медину, вырыв траншею вокруг города, тем самым фактически предотвратив крупный конфликт.

Я бы сказал, что ислам изначально ориентирован на будущее; и настаивает на том, чтобы верующие активно формировали собственные перспективы будущего.

Давая место настоящему

Вот данный момент истории — сегодня — и есть настоящее, и он играет свою естественную роль в определении нашего будущего. Однако настоящее не статично. В действительности оно постоянно меняется. Таким образом, мы должны воспринимать настоящее как динамичный, изменяющийся, постоянно включающий в себя новые элементы и ситуации современной реальности феномен. Есть пять различных элементов такого подвижного настоящего, которые нам необходимо учитывать при формировании стабильного будущего.

Во-первых, очевидный факт состоит в том, что мы живем в глобализованном мире. Во-вторых, проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, не являются простыми. В-третьих, мы постоянно готовы сорваться в хаос [4]. В-четвертых, настоящее наполнено противоречиями, которые невозможно разрешить, их можно только преодолеть. В-пятых, неопределенность является нормой [5]. Есть и другие варианты: *возможные перспективы будущего* — сочетание различных вероятностей, которые мы можем себе представить; *правдоподобные варианты будущего* — перспективы, определяемые нами с учетом текущих условий и исторической динамики, имеющие высокую вероятность реализации; и *предпочтительные варианты будущего*, те, которые мы действительно желаем видеть и к которым стремимся.

Готовясь к различным перспективам будущего

Предположим, мы опрашиваем случайную выборку мусульман о том, каким они видят будущее своих сообществ. Несомненно, большинство из них захотят такого будущего, которое свободно от сектантства и граж-

данских беспорядков, насилия и террора, пыток и жестокости, в котором их дети могут расти здоровыми и успешными, в котором общество будет находиться в мире с самим собой и людьми разных вероисповеданий, с малой верой или с отсутствием таковой.

Нам нужна новая стартовая площадка, чтобы двигаться вперед. Для этого требуется вернуть человеческую личность в исламский дискурс. На пророка Мухаммада не смотрят как на человека. Вопреки тому, что говорит Коран, его провозглашают сверхчеловеком, каждое действие которого безупречно, и его следует копировать во всех мелочах. Проблема в том, что, если все дано Богом, человеческие усилия и воображение не играют никакой роли. У верующих нет свободы воли. Нет механизма постепенного изменения религиозной мысли и морали, нет способа построить новую этику для нашего времени.

По иронии судьбы те, кто больше всего печется об «исламе» и одержим им, кто бьет себя в грудь и громче всех кричит о «защите ислама» и шариата (исламского закона), кто настаивает на политизации своей идентичности и ее резком и явном выражении (через никаб, хиджаб или длинную бороду), представляют наибольшую угрозу для ислама и его будущего.

Для подготовки и работы в направлении предпочтительного, правдоподобного и жизнеспособного будущего есть две предпосылки. Во-первых, цель, которой мусульмане дорожат превыше всего: навязать единую истину разноликому обществу и многообразному миру. Во-вторых, мы должны осознавать, что шариат — это человеческий конструкт, не избежавший исторических ошибок.

Кода

В нашем стремлении к предпочтительному, достойному будущему для ислама и мусульманских сообществ нам необходимо обеспечить открытость будущего для всех потенциальных и диссидентских возможностей. Мы не ждем, когда что-то изменится, но сами активно меняем окружающий мир и тем самым творим историю.

Безусловно, самая большая проблема в размышлении о будущем с исламской точки зрения — отсутствие подходящего языка. Язык — это не просто средство общения; это также инструмент, с помощью которого обсуждаются социальные и культурные потребности, необходимые для выживания. Таким образом, существует острая нужда наполнить исламский дискурс сознанием, ориентированным на будущее, и разработать язык, который мотивирует нас смотреть вперед, а не назад.

Литература

1. Wilfred Scawen Blunt (1882) *The Future of Islam*. London; reprinted by Sind Sagar Academy, Lahore, 1975. Все цитаты взяты из данного издания.
2. См.: Sardar, Z. (2013) *Future: All that Matters*. London: Hodder, для общего введения в курс изучения будущего.
3. Подробнее о том, как можно колонизировать будущее, см.: Sardar, Z. (1993) *Colonizing the Future: The 'Other' Dimension of Future Studies*. *Futures*, 25 (3); and: *Other Futures: Non-Western Cultures in Futures Studies* (1996). In: Richard A. Slaughter (ed.)

The Knowledge Base of Future Studies: Directions and Outlook, vol. three. DDM Media Group/Futures Study Centre, Hawthorn, Victoria; and: Sardar, Z. (ed.) (1998) *Rescuing All Our Futures: The Future of Future Studies*. London: Adamantine Press; Westport, CT: Praeger Publishers.

4. Более аналитическое объяснение того, что происходит, когда мы готовы «сорваться в хаос», см.: Sardar, Z. (1998) *Introducing Chaos*. Cambridge: Icon Books; см. также: What Chaos? What Coherence? Across the River I Called (1994). In: Mika Mannermaa, Sohail Inayatullah and Rick Slaughter (eds.) *Coherence and Chaos in Our Uncommon Futures: Visions, Means, Actions*. Turku: Finland Future Studies Centre; and: Conquests, Chaos, Complexity: The Other in Modern and Postmodern Science. *Futures*, 26 (6), July/August 1994, pp. 665–682.
5. См.: Bammer, G., and Smithson, M. (eds.) (2008) *Uncertainty and Risk: Multidisciplinary Perspectives*. London: Earthscan.

Наука и ученые в постпривычную эпоху

Джером Р. Равец

Хорошо известно, что новые информационные технологии коренным образом меняют работу большинства сфер. Возможности исследовательской науки во многих областях расширяются и даже трансформируются. Возникают важные новые разработки, но не обязательно «новые формы науки». В данной статье мы рассматриваем практики и структуры, которые вызывают удивление и беспокойство, попадая в поле зрения, и которые обладают внутренним импульсом для продолжения быстрых изменений.

Экскурс в историю

Около полувека назад ученые осознали, что все изменилось. Текущая ситуация в науке меняется очень быстро.

Изменяющееся самосознание науки в течение того предыдущего периода является напоминанием о том, что в социотехнической системе научного мира интеллектуальные и материальные аспекты глубоко взаимосвязаны друг с другом.

Наука стала «индустриализированной» по многим параметрам: в своем объеме вообще, в масштабе отдельных предприятий и в своих отношениях с промышленностью, которые стали более тесными. Она также обрела черты «инкорпорированности» [1], то есть участия в делах государства различными способами. Ученые до некоторой степени наивно полагали, что их просят «сказать правду властям», тогда как их клиенты часто хотели получить «политически обоснованные доказательства». Что же касается отношений с более широкой общественностью, то стали известны манипуляции и искажения исследований, связанные с коммерческой отраслью. Нечто подобное, но в менее скандальной, хотя и в не менее важной форме, нашло отражение в практике работы с министерствами и государственными агентствами.

Структуры научной деятельности

Сегодня широко признано, что старое представление об «ученом», который делает открытие, а затем передает его «обществу», является слишком упрощенным. Прежде всего, варианты мотивов для участия в исследованиях или их поддержки весьма разнообразны. Та первоначальная мотивация — всего лишь первый шаг в многоэтапном цикле, который объясняет сложность и путаницу, сопровождающую дебаты, касающиеся участия науки в политике.

Что касается наших текущих проблем, то качество подменило истину как основной эффективный руководящий принцип науки. Необходимо наличие этических обязательств, которые должны соблюдаться на самом высоком уровне в любом учреждении. Если этого нет, обязательно возникают коррупция и бессмысленные исследования.

Персонал

Все более широкое признание получает тот факт, что наука, ориентированная на разработку нормативно-правовых аспектов, добивается более эффективного результата, если уже на ранних этапах исследований используется расширенный опыт, а не только опыт политиков, научных советников и экспертов. Участие граждан становится все более востребованным и полезным. В традиционных научных исследованиях существует давняя практика привлечения любителей, которые вносят свой вклад. Но в последнее время таким людям отводилась роль помощников с более низким статусом. Тем не менее их активное участие все время нарастает. В результате традиционный статус «ученого» постепенно размывается.

Процедуры

Подобного же рода процесс изменений, оцениваемый то как эрозия, то как демократизация, протекает в области процедур. В течение длительного времени существовала универсальная вера в научный метод, в те процедуры, посредством которых наука безошибочно дает правильные ответы на разрабатываемые проблемы. С ростом неопределенности, а затем и комплексности знаний и политики эта мотивирующая вера постепенно теряла убедительность. Невозможность выделить метод, не являющийся логически ошибочным, усугубляет трудности. Что касается моделей, то лучшее, что можно сказать, это классическое «все модели ошибочны, но некоторые полезны». Однако, похоже, научное сообщество остро осознает наличие данных проблем. Это может привести к одновременному возникновению противоположных эффектов: стимулировать реформы и усилить цинизм.

Собственность

В предыдущую эпоху социальные отношения в сфере собственности не менялись с большой скоростью; происходило постоянное вытеснение традиционных «общедоступных знаний» тем, что мы могли бы назвать «корпоративным ноу-хау». Однако в последние годы появилось признание

глубоко парадоксальной ситуации в управлении интеллектуальной собственностью. Возникло предупреждение, что прогресс в данной области серьезно замедляется из-за множества прав собственности, которые защищают различные знания и техники, необходимые для исследований.

Гласность

Еще более быстрые изменения происходят в сфере гласности, которая в конечном итоге является жизненной силой научной деятельности и включает в себя информацию. Важным для самосознания науки служит внезапное открытие, что на самом деле существует насыщенная и глубоко проблематичная политэкономия публичности. Научные публикации не бесплатны и не очень-то дешевы. Проблема затрат и вознаграждения в цифровую эпоху, уже затронувшая креативные индустрии, внезапно появилась и в науке. Благодаря публикации в цифровом формате текущее исследование теперь может быть в центре непрерывного потока коллективного диалога и развития, в котором может происходить временная кристаллизация «продукта» для удобства.

Гарантия качества

Более драматичным является влияние новых технологий на цикл обеспечения качества. Традиционно системы обеспечения качества науки работали в основном неформально и в значительной степени конфиденциально. Как показала сама Википедия, все редакционные процессы могут быть не только удобными, но и прозрачными. То, что раньше было удивительно закрытым объектом, не привлекавшим широкого общественного внимания к своей работе, при почти полном отсутствии журналистских расследований, теперь начинает открываться.

Последствия

Ближе к концу цикла нас поджидают последствия. Традиционно последствия научной деятельности считались в основном положительными, а с практической точки зрения — исключительно благоприятными. Поэтому ученый мог с чистой совестью передать результаты своей деятельности обществу. Сегодня вопрос последствий признан решающим в дискуссиях по вопросам политики в сфере новых технологий, а также при обсуждении более всеобъемлющих политических моментов. Мы поймем, что наука действительно вступила в новую эпоху тогда, когда негативные примеры научной деятельности будут признаны предметом, достойным преподавания в рамках гуманитарного образования для естественников.

Роль постпривычной науки

В процессе изменения мира уровень развития сознания всегда отстает от практики. Задача создания новой идеологии для науки в этих новых условиях является первостепенной, поскольку коррупция в научной сфере процветает. Нет никакой гарантии, что наука в том виде, в каком мы ее знаем, выживет.

Поскольку в процессе получения научного образования студенты полностью защищены от указанных проблем, они теряются, впервые

столкнувшись с ними на практике. Когда они пытаются поделиться своими переживаниями с коллегами, их часто начинают избегать как носителей неудобных знаний. Во многих случаях тезис о постпривычной науке служил сигналом освобождения.

Постпривычная наука открывает путь к множественности точек зрения, к пониманию права на ошибку, к осознанию своего невежества и к смирению. Характеризуясь простыми ключевыми идеями, она позволяет нам увидеть, как сложившийся образ науки способствует ограниченности, нетерпимости и гордости. В этой связи наука как институт вынуждена смотреть на себя реалистично, а не через идеологические очки. Возможно, в будущем придется пройти еще немного по этому пути.

Литература

1. Rose, S. and H. (1969) *Science and Society*. London: Allen Lane.

Творчество и лидерство в постпривычное время

Альфонсо Монтуори и Габриэль Доннелли

Введение

Комплексность, плюрализм и неопределенность жизни кажутся ошеломляющими. Воображение и его более широкое понятие, творчество, необходимы «для того, чтобы представить себе выход из постпривычного времени». Творческая деятельность превратилась из увлекательного, второстепенного, странного и необъяснимого явления в двигатель социальных изменений и преобразований. В переходное время, подобное нашему, нам необходимо понять, откуда мы пришли и как нас сформировало наше время, чтобы двигаться к иному будущему.

Исторические корни

До 1980-х годов творческая деятельность на Западе исследовалась в основном в рамках дисциплины психологии. Основное внимание уделялось персоне, процессу и продукту [1]. Единицей анализа был почти исключительно необыкновенный или, другими словами, «выдающийся» человек [2].

Меняющееся лицо творчества и лидерства

Меняется то, как мы понимаем, практикуем и выражаем наше творчество. Творческая деятельность ведет к переменам, а перемены — к творчеству. Три основных тренда включают: а) рассмотрение творчества как более сетевого, коллективного процесса, б) повседневного, повсеместного, всеобщего процесса, а не чего-то ограниченного исключительно деятельностью гениев [3; 4], и в) артикуляция творчества как формы лидерства, а лидерства как формы творчества [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Лидерство и креативность переходят от героического, великого человека к более реляционному, распределенному «для всех/езде/каждый день» процессу. Лидерство может быть формой самосотворения в контексте социальной ответственности и развития возможностей и альтернатив в мире. На что направлена наша творческая деятельность? Руководители должны быть подотчетны и ответственны за направление и применение человеческого творческого потенциала, а творческий подход должен дать руководителям новые шансы и возможности для выхода за пределы постпривычного времени.

Преобразующее творчество

В настоящее время в исследованиях психологии творчества все больше внимания уделяется повседневному творчеству. *Место* для творчества теперь потенциально находится везде. Об этом говорят новые исследования инноваций, группового творчества, джаза, а также растущее признание «мудрости толпы», творческого потенциала «открытых инноваций», когда в сложные проблемы посвящается общественность, что помогает генерировать нужные ответы [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Сегодня возникают вопросы о том, приведет ли то, что мы называем творчеством «для всех/езде/каждый день», к росту нарциссизма, потребительского эгоцентризма и сглаживанию всех ценностных ориентиров, вследствие чего «Я-поколение» будет выглядеть позитивно-альтруистическим, или творческая энергия может быть направлена на достойные устремления [19; 20; 21].

Переосмысление лидерства

В переходную эпоху мы не связаны фиксированными ролями или судьбами. Новое лидерство не предполагает, что нужно быть руководителем постоянно. Лидерство также все чаще рассматривается как гетерархическое, основанное на способности действовать в конкретном контексте, исполнять специфическую задачу и разрешать определенную ситуацию.

Кланы и заводы

В популярной книге Сета Година «Кланы» есть два полезных образа, которые помогут нам сориентироваться в формирующемся новом понимании лидерства. Его довод заключается в том, что из «эпохи заводов» мы перешли в «эпоху кланов». «Клан, — пишет Годин, — это группа людей, связанных друг с другом, связанных с лидером и связанных идеей» [22].

Заводы большие, иерархичные, громоздкие, негибкие; они, как правило, не склонны к инновациям. Руководство завода состоит из ограниченного количества людей. Командование и контроль — центральные особенности руководства на заводах. Кланы являются сетевыми, гибкими и гетерархичными, что позволяет лидерству проявляться во множественности источников [23]. Демократизация руководства становится все более популярной перспективой.

Заключительные размышления

Мы живем в постпривычное время. Творчество и воображение необходимы для представления нового мира. Творческая деятельность ведет нас в этот новый мир; благодаря ему мы представляем себе различные альтернативы. Это означает, что творческий подход требует большей ответственности, чем когда-либо прежде. Творческие личности — это те же лидеры. Люди учатся работать вместе, несмотря на различия, чтобы находить новые решения старых проблем. Возможно, жизнь никогда больше не станет «привычной», но нам действительно есть чего ждать и к чему стремиться.

Литература

1. Runco, M. (2007) *Creativity. Theories and Themes: Research, Development, and Practice*. Amsterdam: Elsevier.
2. Glaveanu, V. P. (2010) Paradigms in the study of creativity: Introducing the perspective of cultural psychology. *New Ideas in Psychology*, 28, pp. 79–93.
3. Montuori, A. (2011) Beyond postnormal times: The future of creativity and the creativity of the future. *Futures: The Journal of Policy, Planning and Future Studies*, 43 (2), pp. 221–227.
4. Montuori, A. (2013) Creativity and the Arab Spring. *East-West Affairs*, 1 (1).
5. Burns, J. M. (2004) *Transforming Leadership: The Pursuit of Happiness*. New York: Grove.
6. Csikszentmihalyi, M. (2004) *Good Business: Leadership, Flow, and the Making of Meaning*. New York: Penguin.
7. Gardner, H. (1995) *Leading Minds*. New York: Basic Books.
8. Hooker, C., and Csikszentmihalyi, M. (2003) Flow, creativity, and shared leadership. In: C. L. Pearce & J. A. Conger (eds.) *Shared Leadership: Reframing the Hows and Whys of Leadership*. Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 217–234.
9. Montuori, A. (2010) Transformative leadership for the 21st century. Reflections on the design of a graduate leadership curriculum. *ReVision*, 30 (3–4), pp. 4–14.
10. Simonton, D. K. (1984) *Genius, Creativity, and Leadership: Historiometric Inquiries*. Cambridge: Harvard University Press.
11. Sternberg, R. J. (2007) A Systems Model of Leadership. *WICS. American Psychologist*, 62(1), p. 34.
12. Barron, F. (1999) All Creation is a Collaboration. In: A. Montuori & R. Purser (eds.) *Social Creativity*. Cresskill, NJ: Hampton, vol. 1, pp. 49–60.
13. Wheatley, M. (2006). *Leadership and the New Science*. San Francisco: Berrett-Koehler.
14. Andreasen, N. C. (2006) *The Creative Brain: The Science of Genius*. New York: Plume.
15. Montuori, A. (2003) The complexity of improvisation and the improvisation of complexity. Social science, art, and creativity. *Human Relations*, 56 (2), pp. 237–255.
16. Paulus, P. B., & Nijstad, B. A. (eds.) (2003) *Group Creativity: Innovation Through Collaboration*. New York: Oxford University Press.
17. Schrage, M. (1999) *Serious Play: How the World's Best Companies Simulate to Innovate*. New York: Harvard Business School Press.
18. Surowiecki, J. (2005) *The Wisdom of Crowds*. New York: Anchor.
19. Toffler, A., & Toffler, H. (2006) *Revolutionary Wealth*. New York: Knopf.
20. Greenberg, E., & Weber, K. (2008) *Generation We: How Millennial Youth are Taking Over America and Changing our World Forever*. Emeryville: Pachatusan.
21. Twenge, J. M., & Campbell, W. K. (2010) *The Narcissism Epidemic: Living in an Age of Entitlement*. New York: Free Press.
22. Godin, S. (2009) *Tribes. We Need You to Lead Us*. New York: Portfolio.
23. Sardar, Z. (1990) *Postmodernism and the Other*. London: Pluto Press.

Об авторах

Габриэль Доннелли, писатель и эксперт по социальным изменениям и инновациям, получила докторскую степень в области исследований преобразований в Калифорнийском институте интегральных исследований. Она является партнером компании *Collective Wisdom Solutions*, консультационной службы, занимающейся воплощением идей в жизнь и работающей с государственными, частными и некоммерческими организациями, со штаб-квартирой в Галифаксе, Новая Шотландия (Канада).

Ширин Элахи, эксперт по рискам, неопределенности, изменениям и сценарному планированию. Она часто выступает с лекциями, в том числе в *Saïd Business Center*, Оксфордский университет; бизнес-школе *HEC (École des hautes études commerciales de Paris)*, Париж; в Международном институте прикладного системного анализа (IIASA), Лаксенбург; и в исследовательском центре рисков им. Бенфила Грейга при Университетском колледже Лондона (UCL). Она является управляющим директором *Scenarios Architecture*, консалтинговой компании по стратегическому планированию для сетевых специалистов, работающих со сложными глобальными рисками.

Сильвио О. Фунтович, преподавал математику, логику и методологию исследований в Буэнос-Айресе (Аргентина). В течение многих лет он был приглашенным ученым в Объединенном исследовательском центре Европейского сообщества в Испре (Италия), где занимался аналитической философией в области исследований науки и технологий. Вместе с Джеромом Равецом он создал NUSAP, систему обозначений, характеризующих неопределенность и качество в количественных выражениях, и представил концепцию постпривычной науки. В настоящее время он является профессором Центра изучения естественных и гуманитарных наук (SVT) в Университете Бергена (Норвегия).

С. Скотт Джордан, философ и политолог, работает в Азиатском мировом центре при Университете Крейтон в Омахе, штат Небраска. Он является членом Международного консорциума против насилия (*Nonkilling Consortium International*), работал с Фондом Сун Чинг Лин в Китае. Скотт регулярно публикуется в ежеквартальном журнале *Critical Muslim* и ведет радишоу и подкаст *Tea Talk Asia*. Его исследовательская работа сосредоточена на постпривычном компоненте международных отношений, политики и управления, которые он часто исследует через призму кинематографа. Он является научным сотрудником Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS).

Альфонсо Монтуори, профессор кафедры исследований преобразований Калифорнийского института интегральных исследований; является автором нескольких книг о творчестве, комплексности, социальных изменениях, управлении и образовании, в том числе соредактором двухтомника «*Social Creativity*» («Социальная креативность», изд-во Hampton Press, 1999) и не так давно вышедшей книги «*Journeys in Complexity*» («Путешествия по комплексности», Лондон: Routledge, 2015). Он является главным редактором журнала *Advances in Systems Theory, Complexity, and the Human Sciences*, издательство Hampton Press, и помощником редактора в журнале *World Futures: The Journal of General Evolution*.

Джером Р. Равец, известный философ науки, прославившийся своими неординарными работами о рисках, научной объективности и истории науки. Его книга «*Scientific Knowledge and Its Social Problems*» («Научное знание и его социальные проблемы», OUP, 1971) считается основополагающей работой. Среди других его книг: «*The Merger of Knowledge with Power*» («Слияние знаний с властью», Лондон: Cassell, 1990), (совместно с С. О. Фунтовичем) «*Uncertainty and Quality in Science for Policy*» («Неопределенность и качество науки для политики», Kluwer, Dordrecht, 1990), (с Зияуддином Сардаром) «*Cyberfutures*» («Перспективы кибербудущего», Лондон: Pluto, 1997) и «*Introducing Mathematics*» («Введение в математику», Кембридж: Icon, 1998). Его считают отцом постпривычной науки. Вместе с Сильвио Фунтовичем Равец разработал NUSAP, систему обозначений, характеризующих неопределенность и качество в количественных выражениях. В настоящее время он является научным сотрудником Института науки и цивилизации им. Джеймса Мартина при Оксфордском университете.

Зияуддин Сардар, писатель, футуролог и просветитель, является всемирно известным общественным интеллектуалом. Он опубликовал более 50 книг, в том числе «*Rescuing All Our Futures*» («Спасая все варианты нашего будущего», Нью-Йорк: Adamantine, 1998), «*Islam, Postmodernism and Other Futures: A Ziauddin Sardar Reader*» («Ислам, постмодернизм и другие перспективы будущего: хрестоматия Зияуддина Сардара», Лондон: Pluto, 2003) и «*Future: All That Matters*» («Будущее: все, что важно», Лондон: Hodder, 2013). С 1999 по 2012 год он был главным редактором *Futures*, ежемесячного журнала исследований политики, планирования и перспектив будущего, а с 2006 по 2009 год занимал должность уполномоченного в Комиссии Великобритании по вопросам равенства и прав человека. Сардар является директором Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS).

Джорди Серра, футуролог, консультант и просветитель, доцент факультета коммуникаций и международных отношений Университета Рамона Льюля — Бланкерна в Барселоне (Испания). Ранее он возглавлял отдел форсайт-исследований Центра управления рисками Автономного университета Барселоны. Он входит в состав редакционного совета журналов *Futures*, *World Future Review* и *Revista IAPEM*. Джорди опубликовал ряд книг на испанском языке, среди которых «*Inteligencia y análisis prospectivo: La gestión de la incertidumbre*» (Secretaría de Inteligencia, Quito, 2014). Он является директором по исследованиям Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS).

Джон А. Суини, футуролог, консультант и просветитель. Он сотрудничает с университетами, агентствами международного развития и гуманитарной помощи, некоммерческими фондами, образовательными и культурными организациями, включая ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Глобальный центр передового опыта государственной службы ПРООН, Объединенный исследовательский центр Европейской комиссии и Международную федерацию обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Джон является соавтором книги «*Mutative Media: Communication Technologies and Power Relations in the Past, Present, and Futures*» («Мутационные СМИ: коммуникационные технологии и соотношения властей в прошлом, настоящем и будущем», Springer, Dordrecht, 2015). Джон — заместитель директора Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS).

Центр постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS): международная исследовательская и консультативная сеть, уделяющая особое внимание людям и сообществам, занимающим далеко не ведущее положение. Центр способствует повышению уровня знаний в вопросах, касающихся будущего и понимания постпривычного времени, делая акцент на новые средства ориентации в контексте противоречивых, комплексных и хаотичных ситуаций и явлений. Работа Центра направлена на продвижение критических исследований, обучение через действия и развитие этического воображения для формирования деколонизированного, альтернативного и предпочтительного будущего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Про серию

3

Что же только что произошло?

5

Истоки и теория

7

Методы и вопросы

17

Пространство и время

31

Жизнь и работа

55

Об авторах

68

Научно-популярное издание

**КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ**

Редактор Зияуддин Сардар
Составитель Скотт Джордан

**ISBN 978-5-85803-550-3
(Петербургское Востоковедение)**

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Главный редактор — *О. И. Трофимова*
Литературный редактор — *Н. Л. Товмач*
Технический редактор — *Е. М. Денисова*
Корректор — *Н. Л. Товмач*
Дизайн обложки — *И. Т. Картвелишвили*

Подписано в печать 26.02.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 4,5 усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 22

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
web-site: www.litobook.ru
e-mail: info@litobook.ru

Серия «МИР СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА» знакомит российского читателя с серией «Books-in-Brief», которая является собранием главных изданий Международного института исламской мысли, представленных в кратком изложении. Облегченный формат позволяет экономить время, однако дает читателю реальную возможность составить впечатление о полной версии каждой книги и помогает проникнуть в суть оригинала.

Серия состоит из своего рода синопсисов-обзоров полных изданий, которые, как мы надеемся, будут побуждать читателей к дальнейшему, более глубокому изучению оригиналов.

Постпривычное время лучше всего определить как «промежуточный период, когда старые ортодоксы отмирают, новые еще не родились, и кажется, что очень немного имеет смысл». Как выразился Эцио Мауро: «Мы находимся в подвешенном состоянии между “уже нет” и “еще нет”, и поэтому для нас неизбежна нестабильность: нет ничего фиксированного вокруг нас, даже направления нашего движения».

Теория постпривычного времени пытается осмыслить быстро меняющийся мир, где неопределенность является доминирующей темой, а невежество стало ценным товаром. «Книга для чтения в постпривычное время» — новаторская антология работ о противоречивой, комплексной и хаотичной природе нашей эпохи. Она включает происхождение, теорию и методологию постпривычного времени. В ней рассматривается множество вопросов с точки зрения постпривычного времени, начиная от изменения климата, моделей власти и проблем Ближнего Востока до взаимоотношений науки и религии. Освещая некоторые ключевые локальные и глобальные проблемы нашего переходного периода, книга предлагает способ навигации по различным вариантам нашего бурного будущего.

ISBN 978-5-85803-550-3

9 785858 1035503